

1448

1901

227

РУССКІЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

И

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ.

Г-на ПИРОВОГА (*).

Брошюра, заглавіе которой выписано, напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, и если не ошибаемся, не подвергалась еще обсужденію нашей журналистики, а потому мы надѣемся оказать услугу читателямъ нашей мѣстной газеты, познакомивъ ихъ съ новымъ произведеніемъ извѣстнаго нашего ученаго и публициста.

Съ этою цѣлью предлагается подробный очеркъ „университетскаго вопроса“, въ которомъ мы не только

(*) Статья эта писана въ маѣ прошлаго года, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ печатаніе ея замедлилось.

старѣлись изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ, мысли г. Пирогова о томъ, какъ поднять русскіе университеты, но и нерѣдко передавали собственными его словами. Вторую часть статьи составлять замѣчанія наши на мнѣнія автора.

„Я думаю, говоритъ Н. И. Пироговъ, что первообразы университетовъ были ближе нашего къ идеалу. Основанные передовыми людьми своего времени, они были настоящими и единственными представителями современной науки. Не было различія между академіей и университетомъ. Кто двигалъ науку впередъ, тотъ и училъ. Ученіе принаровлялось къ наукѣ, а не къ знаніямъ учениковъ. До возраста учащихся не было университету никакого дѣла. И учителя, и ученики—были общими сподвижниками науки, *commilit nes*. Съ развитіемъ гражданственности, съ распространеніемъ просвѣщенія въ массахъ, не могла сохраниться первобытная чистота идеала. Правительства, церковь, общество заявили свои требованія. Безусловность чисто-научныхъ стремленій не могла устоять противъ условій жизни“.

И вотъ, давно уже, университетъ пересталъ быть учрежденіемъ чисто-научнымъ, т. е. такимъ, которое назначено удовлетворять одной потребности знанія. Большинство въ немъ учится съ извѣстною практической цѣлью. Въ немъ приготовляются для общества: служители церкви, судьи, врачи и наставники. Но нельзя его назвать и спеціально-учебнымъ учрежденіемъ. Тогда онъ пересталъ-бы быть университетомъ. Тогда соединеніе всѣхъ факультетовъ въ одно цѣлое,—существенная характеристика университета,—перестала-бы

быть существенною. Сверхъ того, университетъ не есть спеціально-учебное учрежденіе и потому, что многія науки въ его факультетахъ не изучаются такъ спеціально, какъ этого требуетъ ихъ современное состояніе. Нельзя считать нынѣшній университетъ и такимъ учебнымъ учрежденіемъ, котораго цѣлью было-бы одно высшее общечеловѣческое образованіе. Его факультеты для этого слишкомъ уже спеціальны. Наконецъ, ни одинъ университетъ въ свѣтѣ. не смотря на названіе, не есть универсальный представитель современной науки, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Ни въ одномъ изъ нихъ мы не находимъ кафедръ не только всѣхъ, но даже и половины современныхъ наукъ. „3—4 стр.“

Еще менѣе опредѣленную фізіономію имѣетъ нашъ русскій университетъ. Положительнаго про него можно сказать только то, что онъ „есть учрежденіе правительственное и учебное, съ значительнымъ бюрократическимъ оттѣнкомъ и съ нѣкоторою примѣсью корпоративнаго, воспитательнаго и филантропическаго характера“.

Такая неопредѣленность характера и основныхъ началъ нашихъ университетовъ, не могла не выразиться и въ ихъ направленіи. Правительство, учреждая университетъ, очевидно, имѣло нужду и въ спеціалистахъ и вообще въ образованныхъ людяхъ. Оно желало чрезъ университетъ получить и тѣхъ и другихъ. Оно желало развить въ обществѣ присущую ему способность звать и уметь приложить свое знаніе. Оно учреждало новые, и преобразовало существовавшій уже университетъ, въ то время, когда въ современномъ ев-

ропейскомъ обществѣ начинали значительно развиваться утилитарныя стремленія, и потому прикладное должно было развиваться на счетъ чисто-научнаго. Мало этого, — чисто-научное и не могло быть въ нашемъ университетѣ преобладающимъ началомъ. Онъ не былъ обязанъ, какъ нѣкоторые изъ средневѣковыхъ университетовъ, передовымъ людямъ общества. Духъ-же и стремленія централизующей власти и самый духъ націи благоприятствовали болѣе прикладному, чѣмъ чисто-научному. Не было ни борьбы направленій, ни духовной связи между факультетами, ни средневѣковаго корпоративнаго элемента, который-бы также стремился поддержать эту связь. Да и прикладное направленіе не выработавшееся наукой на родной почвѣ, не могло развиваться и идти прогрессивно впередъ. Поощряемое только извнѣ, искусственной регламентаціей государства, оно могло только отчасти удовлетворять вошіющимъ его потребностямъ.

Теперь, когда наступило время преобразованій, нужно серьезно подумать и объ университетской реформѣ. Если инициатива ея въ правительственномъ университетѣ и принадлежитъ самому правительству, то все таки иначе можетъ-быть приведена въ исполненіе, какъ силами самого-же университета, источникъ которыхъ заключается въ наукѣ, олицетворяемой коллегіей профессоровъ. А существуютъ-ли силы эти на лицо?

Г. Пироговъ отвѣчаетъ на вопросъ этотъ отрицательно. По словамъ его, жизнедѣятельность коллегіи была такъ слаба въ нашемъ университетѣ, что для предотвращенія безсилія правительство два раза долж-

но было прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, состоявшимъ въ томъ, что молодые волонтеры, болѣе или менѣе соотвѣтствующіе будущему ихъ призванію, посылались разомъ, — *en masse*, — въ заграничные университеты для спеціальнаго образованія. Первая попытка въ этомъ родѣ относится къ концу двадцатыхъ годовъ, когда, по мысли акад. Паррота учрежденъ былъ въ Дерптѣ профессорскій институтъ, оказавшій великую услугу отечественному просвѣщенію, образованіемъ цѣлаго поколѣнія достойныхъ профессоровъ, но онъ не избавилъ русскихъ университетовъ отъ ихъ недуга, былъ паллативной, а не радикальной мѣрой и вотъ ровно чрезъ тридцать пять лѣтъ послѣ перваго опыта, правительство снова нашлось вынужденнымъ позаботиться о раставраціи нашихъ университетовъ. Стр. 10—11.

Такому неутѣшительному явленію, безъ сомнѣнія, много способствовала недостаточность матеріальнаго обезпеченія служителей науки, но это не единственная и не главная причина зла, корень котораго, по мнѣнію автора, скрывается частью въ дурной организаціи университетской коллегіи, никогда не пользовавшейся достаточною самостоятельностью, а частью въ незрѣлости и неразвитости первичныхъ элементовъ ея, весьма далекихъ отъ идеала коллегіальнаго начала, которое на столько-же развиваетъ, на сколько и само требуетъ извѣстной уже развитости. „Вступая въ коллегію, говоритъ авторъ, каждый членъ долженъ умѣть цѣнить ее, и слѣдовательно, свое значеніе. Цѣль, интересы и достоинство коллегіи должны сдѣлаться и его цѣлью, его интересами, его собственнымъ достоинствомъ. Ни одна сторона ея, какъ-бы она ни казалась отдаленною отъ индивидуальной дѣятель-

ности каждаго члена, не должна быть для него недоступна. Каждый членъ долженъ быть проникнутъ мыслью, что малѣйшее отступленіе отъ главной и общей цѣли коллегіи неминуемо повлечетъ за собою разладъ интересовъ и униженіе достоинства. Каждый долженъ помнить, что его заблужденія, недостатки и страсти рано или поздно отзовутся, вмѣстѣ съ его голосомъ, въ рѣшеніяхъ коллегіи и могутъ повредить всему ея строю и цѣлому поколѣнію людей“.

Но не смотря на то, самое обыкновенное зло коллегій, заражающее не рѣдко весь ихъ организмъ,—это преслѣдованіе личныхъ интересовъ, которымъ страдали и наши университеты, особенно въ прежнее время. „Непотизмъ, съ его системой протекцій, существуетъ вездѣ,—у насъ, говоритъ авторъ, онъ только принимаетъ иногда грубыя и уродливыя формы, доходя даже до лихоимства, которое, какъ извѣстно, проявлялось не разъ въ нашихъ университетахъ подъ видомъ пансіонерства и т. п.“ Впрочемъ опытъ прошедшаго не отнимаетъ у него вѣры въ будущее. Трудно было и требовать отъ университетской коллегіи благихъ проявленій ея дѣятельности, при тѣхъ ограниченныхъ правахъ, которыми она пользовалась по закону и которыя, на практикѣ, часто нарушались высшею инстанціею, не имѣвшею съ нею никакой духовной связи, а одну только чисто-служебную. „Начальникъ, выражаясь словами автора, услышавъ о преніяхъ, улыбался и говорилъ: „тамъ у меня спорятъ“, а секретарь не рѣдко рѣшалъ все по слоюму“. Подобный взглядъ на несостоятельность у насъ коллегіального порядка, былъ высказанъ и мною въ замѣткахъ на проектъ университетскаго устава и я

очень радъ, что сошелся въ мнѣніи съ бывшимъ попечителемъ.

А потому, чтобы поднять наши университеты и заставить ихъ жить самостоятельной жизнью, авторъ считаетъ необходимыми слѣдующія радикальныя мѣры:

1) Предоставить университетамъ полную автономію.

2) Облегчить имъ возможность обновленія себя свѣжими силами, создавъ оппозицію nepотизму и застою.

3) Подчинить дѣйствія ихъ контролю общественнаго мнѣнія.

Осуществленіе каждой изъ этихъ мѣръ требуетъ болѣе или менѣе значительныхъ измѣненій въ теперешнемъ университетскомъ быту. „Автономія не совместна съ централизацией и чиновничествомъ. Ученый, стремящійся къ независимости,—дѣло самое обыкновенное; чиновникъ съ этимъ стремленіемъ не мыслимъ. Тамъ, гдѣ ученые—чиновники, а ихъ ученики—искатели чина, тамъ сейчасъ родятся такія понятія и отношенія, которыя рано или поздно превратятъ учебное мѣсто въ присутственное. Въ наукѣ есть своя іерархія; сдѣлавшись чиновною, она теряетъ свое значеніе. Говорятъ, что у насъ при существованіи табели о рангахъ, вывести одни только одни университеты изъ этого строя значило-бы унижить образованіе въ глазахъ всѣхъ сословій. Но именно у насъ, чтобы дать университету настоящую самостоятельность, и нужно поставить его вѣдь всего іерархическаго строя. Пусть свѣтится оттуда“.

Далѣе, автономія въ широкихъ размѣрахъ, какъ это и нужно при коренной реформѣ, можетъ быть дана только университету децентрализованному. Тогда каждый университетъ могъ-бы сдѣлаться высшею ученою и учебною инстанціею для всего края. Тогда и кругъ автономическихъ дѣйствій въ каждомъ изъ нихъ могъ-бы быть различенъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, дознаннымъ опытомъ.

Авторъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ писать одного общаго устава для всехъ русскихъ университетовъ, но что каждой университетской жизни нужно предоставить возможность выработаться и проявиться по своему. „Вся задача реформы, говоритъ онъ, состоитъ не въ томъ, чтобы составить одинъ общій уставъ россійскихъ университетовъ, т. е. найти еще ни къ-мъ не найденное общее, а въ томъ, чтобы найти на дѣлѣ особенности для каждого изъ русскихъ университетовъ, которыя-бы сблизили ихъ жизнь съ жизнью края. Чѣмъ менѣе регламентирована будетъ ихъ дѣятельность, тѣмъ яснѣе выразится характеръ каждого и тѣмъ болѣе каждый университетъ будетъ соответствовать потребностямъ общества“.

Затѣмъ авторъ переходитъ къ автономіи университета, которую характеризуетъ лишь общими чертами, считая существенною принадлежностію ея предоставленіе коллегіи права: 1) распорядиться, по собственному усмотрѣнію, своимъ бюджетомъ, 2) назначать самой штатъ кафедръ, 3) распредѣлять вознагражденіе за труды между своими сочленами не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ каждого въ наукѣ.

„Я, тогда только, говоритъ Н. И. Пироговъ, увижу университетскую коллегію живую, сильною и прогрессивною, когда, 1) каждый изъ нашихъ университетовъ разовьетъ свою дѣятельность на просторѣ и на свободѣ; самъ, по своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, и примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, распредѣлитъ свой бюджетъ, съ полною отвѣтственностью предъ лицомъ науки, государства и общества; когда, 2) самъ опредѣлитъ вознагражденіе за труды своимъ сочленамъ не по званію, не по должностямъ, а по личнымъ достоинствамъ и заслугамъ въ наукѣ; когда, 3) самъ докажетъ, что сумѣлъ оправдать полную къ нему довѣренность государства, удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ науки въ лицѣ ея представителей; когда, 4) наконецъ, въ замѣнъ бюрократическаго элемента, съ его формализмомъ, рангами и привилегіями, внесетъ въ свою жизнь другой, ему родной—научный и духовный, доказавъ тѣмъ, что наука стоитъ у него выше предразсудковъ и самообольщенія“.

Съ предоставленіемъ автономіи университету, естественно должны измѣниться и отношенія его къ высшей инстанціи. За попечителемъ, по плану г. Пирогова остался-бы одинъ контроль безъ права veto. „Контролеръ или попечитель слѣдитъ за всѣми дебатами совѣта, которые должны быть непременно гласные; требуетъ отъ него еще и другихъ, подробныхъ указаній для каждаго, болѣе замѣчательнаго распоряженія; и сообщаетъ министерству свои собственные заключенія о дѣлахъ университетской коллегіи, не останавливая этимъ ихъ ходъ и сношенія съ министерствомъ. Если же однажды принято, что коллегіальное начало всего

болѣе соотвѣтствуетъ свойству научныхъ и учебно-административныхъ дѣлъ. если принято также, что многіе изъ нихъ окончательно рѣшаются въ министерствѣ, то учрежденіе при немъ совѣщательнаго ученаго или учебно-административнаго комитета, является мѣрою совершенно послѣдовательною и необходимою“.

При этомъ авторъ указываетъ на существовавшій въ сороковыхъ годахъ при министерствѣ нар. просв. временный медицинскій комитетъ, въ которомъ онъ самъ принималъ участіе и на сужденія котораго не могъ пожаловаться ни одинъ изъ медицинскихъ факультетовъ, потому что все прогрессивныя требованія послѣднихъ находили въ немъ поддержку и дальнѣйше развитіе. (31 стр.)

Но и автономія, какъ уже выше сказано, не исключаетъ возможности злоупотребленій. Противъ нихъ можно испробовать только два средства: это контроль общественнаго мнѣнія и конкуренція.

Общественное мнѣніе для университета можетъ-быть трехъ родовъ: оно образуется или въ ученомъ свѣтѣ или въ образованной части общества, или наконецъ между самими учащимися. Нашъ университетъ поставленъ совершенно внѣ мнѣнія западнаго ученаго свѣта, у насъ въ Россіи сфера его покуда ограничивается почти исключительно самими-же университетами и академіями наукъ. У насъ мнѣніе одного университета, не смотря на общій уставъ, мало вліяетъ на другой; между ними есть только одна формальная связь, — духовной-же или внутренней не существуетъ. Еще менѣе вліяетъ

академія на университетъ. По этому гласность въ университетскихъ дѣлахъ и съѣзды профессоровъ у насъ болѣе чѣмъ необходимы, если мы хотимъ развитіе мнѣнія нашего ученаго микрокосма, (стр. 34). Не рѣдко слышится голоса, что наша академія, съ ея чисто-научнымъ стремленіемъ поставлена въ какое-то исключительное положеніе въ Россіи. „Мнѣ кажется, говоритъ авторъ, эта исключительность зависитъ именно отъ недостатка связи ея съ учебною дѣятельностію нашихъ университетовъ, а въ этомъ отношеніи академія могла-бы имѣть огромное и самое благотѣльное вліяніе на наше просвѣщеніе, принявъ участіе въ образованіи молодыхъ ученыхъ, имѣющихъ въ виду кафедру, которые, при содѣйствіи ея, гораздо лучше-бы были приготовлены къ дальнѣйшему усовершенствованію себя въ заграничныхъ университетахъ и лучше-бы напитались научнымъ духомъ.

Обращаясь къ общественному мнѣнію нашего образованнаго меньшинства, г. Пироговъ находитъ, что оно столь слабо, что можно усумниться въ дѣйствительности его существованія. Въ этомъ онъ винитъ частію общество, гдѣ нерѣдко встрѣтить отцовъ, отдающихъ своихъ сыновей въ пансіонеры къ профессорамъ съ тѣмъ только, чтобы они выручали ихъ на экзаменахъ, а частію университеты, которые несколько не заботятся о принаровленіи дѣятельности своей къ потребностямъ общества; а между тѣмъ, по мнѣнію автора (36 стр.) у насъ никто болѣе самаго университета, не могъ-бы развитъ общественное мнѣніе, если-бы онъ взялъ на себя обязанность разяснить обществу всѣ интересующія его вопросы, которыхъ теперь не мало. „Теперь, когда

подняты крестьянскій и юридическій вопросы и вопросъ народнаго образованія, университеты живымъ голосомъ могли-бы распространять въ обществѣ болѣе здравыя понятія и болѣе убѣдительно, чѣмъ журналы и газеты. Нужно увеличить вліяніе университетовъ и на гимназіи; это также усилить ихъ связь съ обществомъ, словомъ нужно все употребить, чтобы сблизить общество съ университетомъ и развить общественное мнѣніе необходимое для его жизни. Всѣ мѣры однако-же безъ гласности не будутъ прочны, а потому коренное преобразование нашего университета безъ рѣшенія вопроса о свободѣ мысли и слова, невозможно. Прежде всего, надо сдѣлать науку независимою, а потомъ, чтобы противодѣйствовать апатіи и застою университетовъ, нужно поощрять гласность къ участию въ университетской жизни“. (Стр. 37.)

Наконецъ авторъ полагаетъ справедливымъ допустить и учащихся къ заявленію своего мнѣнія о нуждахъ аудиторій. „Есть, говоритъ онъ, на свѣтѣ худыя книги, которыя много читаются и худыя лекціи, которыя слушаются. Но если книга вовсе не читается и лекціи никѣмъ не слушаются, то хорошими ихъ называть нельзя; въ нихъ вѣрно есть что-нибудь не такъ“. И мнѣнія читателей и слушателей всегда нужно узнавать,—университетъ обязанъ прислушиваться къ голосу учащихся, въ которомъ онъ всегда услышитъ довольно правды. И этотъ голосъ, не смотря на всѣ увлеченія, будетъ всегда для него однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ противъ отсталости и застоя. Что касается до громкаго выраженія слушателями своихъ чувствъ на лекціи, составляющаго, какъ извѣстно, нововведеніе

въ русскихъ университетахъ, перешедшее къ нимъ изъ западныхъ, то авторъ, настаиваетъ на различіи между одобреніемъ и порицаніемъ. Въ первомъ онъ не видитъ ничего худаго и припоминаетъ, какъ онъ самъ въ молодости, въ пылу увлеченія, не разъ аплодировалъ въ парижскихъ госпиталяхъ хорошо сдѣланной операціи. Напротивъ, онъ строго осуждаетъ порицаніе, какъ демонстрацію, имѣющую въ виду оскорбленіе личности другого. Но и здѣсь ему кажется болѣе надежнымъ не формально запрещать, но предоставлять все дѣло благоразумію наставника. (39—40 стр.)

Послѣ общественнаго мнѣнія, самой дѣйствительной мѣрой противъ nepотизма и застоя представляется конкуренція, которую авторъ надѣется возбудить учрежденіемъ института доцентовъ. Доцентство не должно смѣшиваться съ адъюнктствомъ. „Адъюнктъ долгое время разсматривался въ нашихъ университетахъ, какъ казенный исполнитель порученій профессора по учебной части: читалъ составленные имъ записки и продолжалъ, по случаю болѣзни или отлучекъ профессора, прекращенныя лекціи; потомъ онъ сдѣлался самостоятельнѣе, но никогда не принималъ участія въ дѣлахъ коллегіи и только иногда призывался въ факультетъ для совѣщаній по своему предмету. Избранный обыкновенно по одной рекомендаціи своего патрона, онъ довольствовался своимъ незавиднымъ положеніемъ, только имѣя въ виду, что рано или поздно, все-таки сдѣлается самъ профессоромъ, или опять чрезъ покровительство, или же по привычкѣ къ нему всего факультета. Особенныхъ побудительныхъ причинъ къ усовершенствованію себя въ наукѣ, небыло. Главный расчетъ былъ осно-

ванъ на покровительствѣ“. И такъ адъюнкство не только не противодѣйствовало непотизму и застою, но и служило имъ поддержкой. Напротивъ доцентство должно внести въ русскіе университеты свѣжія силы, если только при учрежденіи его соблюдены будутъ условія, предлагаемыя г. Пироговымъ. „Я думаю“, говоритъ авторъ, такъ: „дипломъ университета и другаго высшаго учебнаго заведенія даетъ право на доцентство, но не право на стипендію, если получившій дипломъ уже прежде не обратилъ на себя вниманія университета своими занятіями и дарованіемъ. Вступая въ институтъ доцентовъ, онъ получаетъ право на конкурсъ и гонораръ, но съ этимъ вмѣстѣ становится подъ контроль университетской коллегіи и отвѣчаетъ передъ закономъ за направленіе, если оно окажется вреднымъ. По прошествіи извѣстнаго срока, который опредѣлитъ сама коллегія, онъ получаетъ и право на стипендію, если она его найдетъ достойнымъ. Мѣра достоинства опредѣляется числомъ слушателей, литературными, другими научными трудами доцента, изначеніемъ для университета излагаемой науки. Если окажется нѣсколько претендентовъ на вознагражденіе, то объявляется конкурсъ. Если кто изъ такихъ частныхъ доцентовъ желаетъ сдѣлаться штатнымъ, то есть получать право экзаменовъ на степень, то онъ долженъ самъ имѣть дипломъ на высшую ученую степень и сверхъ того подвергнуться конкурсу, даже въ томъ случаѣ, когда не будетъ другихъ конкурентовъ. Правомъ голоса на экзаменахъ пользуются и тѣ приватдоценты, которые по недостатку стипендій не могли получить вознагражденіе отъ университета, а между тѣмъ исполнили два другихъ условія. Лица и не бывшія приватдоцентами, по

имѣющія высшую ученую степень и подвергавшіяся конкурсу, дѣлаются штатными доцентами съ правомъ на стипендію. Правомъ голоса въ факультетскихъ собраніяхъ пользуются только тѣ штатные доценты, которые состояли при университетѣ не менѣе 2-хъ лѣтъ и имѣли слушателей не менѣе профессора въ это время. Штатный доцентъ, пріобрѣтая право экзаменовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, принимаетъ на себя обязанность преподавать извѣстные предметы по указанію факультета и пользуется за это стипендіею и гонораріемъ. Отъ факультета зависитъ принимать доцента и ранѣе въ число членовъ и даже избирать въ профессора, если онъ представитъ несомнѣнные доказательства своихъ достоинствъ. (45—46 стр.)

И такъ одинъ университетскій дипломъ открываетъ входъ къ доцентству; другой, вмѣстѣ съ конкурсомъ, даетъ право на вступленіе въ коллегію. Изъ этого видно, что авторъ, во-первыхъ, принимаетъ только два ученыхъ званія; во-вторыхъ, считаетъ конкурсъ необходимымъ условіемъ и для полученія стипендіи и для полученія другихъ коллегіальныхъ правъ; въ-третьихъ, открываетъ просторъ конкуренціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается охранить и права корпораціи, давая возможность доцентамъ получать ихъ постепенно или по мѣрѣ заслугъ.

Но доцентство, безъ свободы выбора лекцій, безъ нѣмецкаго *lernfreiheit*, не осуществимо. И такъ студентамъ слѣдуетъ предоставить право выбора между профессоромъ и доцентомъ, когда оба читаютъ одинъ и тотъ-же предметъ. (52 стр.)

„При конкуренціи, при содержаніи, опредѣляемомъ не должностію, а личными заслугами, можно надѣяться, что научное соревнованіе не заглухнетъ въ доцентахъ. Оно будетъ этимъ-же поддерживаться до известной степени и въ членѣ коллегіи. Но учить 25 лѣтъ не шутка. Правда, на западѣ кафедра пожизненная. Правда—старый профессоръ, идущій впередъ, неопѣнимъ. Счастливыя натуры однако вездѣ рѣдки. Двадцатипятилѣтній срокъ съ пенсіей дѣлаетъ честь нашему законодательству. Но на дѣлѣ этотъ срокъ у насъ едва ли не пожизненный. Между тѣмъ, у насъ именно научное какъ-то изнашивается и выдыхается скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Пусть будутъ для самолюбія не такъ пріятны пустая аудиторія и малый гонораръ; ни пустота, ни дефицитъ не тронуть 25 лѣтъ съ мѣста; а это убѣжденіе очень пріятно для застоя. Время искуса—на первомъ полуноприцѣ профессорской жизни. Если кто увидитъ, что онъ не разгадалъ себя и попалъ не туда, то сойти еще не поздно; жизнь на срединѣ, силы не въ упадкѣ, дорогъ другихъ много. Какимъ образомъ убѣдиться въ заслугахъ, объ этомъ можно спорить, но что убѣдиться необходимо—это безспорно. (59—60)“.

Затѣмъ г. Пироговъ переходитъ къ направленію университета. Это заставляетъ его рассмотреть съ какою цѣлью поступаютъ въ студенты не у насъ только, а вездѣ.

„Жажда знаній, говоритъ онъ, известно, тревожитъ не многихъ. Тревожимые образуютъ въ университетѣ—группу, едва не микроскопическую“.

„Жизнь общества неизбежно отражается въ общественныхъ учрежденіяхъ. Его нужды возбуждаютъ ин-

тересы и дремавшія склонности, отсылая ихъ въ университетъ. Вотъ вторая группа разной величины“.

„Ея передовые въ свою очередь, возбуждаютъ подражаніе, которое дѣлается наконецъ, безотчетнымъ въ интересахъ, неразборчивымъ въ склонностяхъ. Вотъ начало третьей, самой большой.

Подражаніе, безотчетное не только въ интересахъ и склонностяхъ, но и вообще, это—мода. Мода, преимущественно сословная, выводитъ на свѣтъ четвертую группу“ (61).

Спрашивается: университетъ существуетъ для большинства или меньшинства? Изъ этого рождается другой вопросъ: наука госпожа или слуга общества? „По рожденію, говоритъ авторъ, она имѣетъ за собою *le droit divin*“, но не такое, чтобы могла сказать;—„общество,—это я“. Общество воспитало ее для себя, но не въ слуги себѣ. Отношенія могутъ уладиться только по договору“.

„Общество тогда только и начинаетъ жить,—а не просто расти,—когда все, чѣмъ оно живетъ,—языкъ, вѣра, обычаи и преданіе—слагаются въ науку“.

„Такъ за наукой, поѣтому договору, остается законодательная власть“.

„Съ другой стороны жизнь общества, которою живетъ и наука, развиваетъ въ немъ все болѣе и болѣе новыя потребности. Наука обязывается удовлетворить

ихъ. Но общество обязано не нарушать свободы изысканія, на которой основана законодательная власть науки“.

„Всѣ не рождены посвящать себя служенію этой власти. Не многимъ суждено понимать ея значеніе“.

„Для изученія этой-то законодательной власти науки, слѣдовательно для меньшинства, общество и обязано основать особыя учрежденія. Это учрежденіе есть университет“.

„Зато наука, обязанная удовлетворить потребностямъ общества, — которая развить сама способствовала, — должна внести свои начала въ другія ея учрежденія“.

„Эти учрежденія — прикладныя и реальныя (62)“.

Должно-ли реальныя учрежденія, назначаемыя для большинства, поставить въ связь съ университетомъ, или вовсе отдѣлить отъ него?

Въ Германіи, не смотря на развитіе реализма, университетъ остался еще въ прежнемъ видѣ. Во Франціи факультеты составляютъ почти совсѣмъ отдѣльныя школы. Но университетъ ни тамъ, ни здѣсь не имѣетъ ничего общаго съ другими высшими, учебно-реальными заведеніями.

Примѣнить-ли это къ намъ?

„Я думаю, говоритъ авторъ, что и въ этомъ отъ

попеченіи подводить всѣ наши университеты подъ одинъ уровень не слѣдуетъ (66, 67)“.

„Намъ необходимо съ одной стороны:

Удержать въ университетѣ всѣ элементы общечеловѣческаго образованія и органическую связь наукъ.

Съ другой стороны:

Намъ нужно усилить реальныя учрежденія, не нарушая, сколько возможно, этой связи наукъ.

Если-бы мы захотѣли, въ настоящее время, уменьшить скопленіе массъ въ университетѣ, развлекая ихъ въ разныя направленія, то мы можетъ быть, удовлетворили-бы потребностямъ общества, но лишили-бы эти массы дѣйствія той образовательной силы, которая всегда присуща университету, и ничѣмъ не замѣнима. Эта сила и зависитъ отъ органической связи наукъ и отъ воздѣйствія одного факультета на другой. Она существуетъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Она дѣйствуетъ и на избранныхъ, и на большинство. Одни подвергаются ея вліянію сознательно; другіе—безсознательно.

Съ этой стороны университеты еще долго будутъ пополнять недостатки нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, съ которыми и должны оставаться въ связи.

Поэтому и высшія реальныя учрежденія, какъ вспомогательныя факультетамъ, должны находиться также въ связи съ нашимъ университетомъ. Мало этого, высшія

реальныя учрежденія требуютъ у насъ органической связи съ университетомъ еще и по недостатку въ образованныхъ спеціалистахъ. Намъ едва ихъ достаетъ для вакантныхъ кафедръ.

Но въ каждомъ изъ нашихъ университетовъ всѣ условія этого соединенія не могутъ быть выполнены однимъ и тѣмъ же способомъ, и въ той-же степени.

Централизація университета только затруднить нормальный ходъ дѣла.

Университеты столичные могутъ быть связаны съ различными спеціальными учрежденіями, служить имъ центромъ и вносить въ ихъ дѣятельность элементы общечеловѣческаго, научнаго образованія. И тотъ и другія выиграютъ отъ соединенія. Скопленіе массъ въ одномъ пунктѣ прекратится. Однѣ науки могли-бы изучаться въ университетѣ, другія въ учрежденіяхъ. А общечеловѣческое образованіе, доставляемое университетомъ, вліяло-бы вездѣ и удерживало спеціалистовъ отъ односторонности и рутинерства.

Въ провинціальныхъ университетахъ, при увеличеніи матеріальныхъ средствъ, нѣкоторые факультеты могли-бы въ себѣ самихъ развить реальныя учрежденія. Другіе могли-бы сохранить одно чисто-научное призваніе. Все должно примѣняться къ мѣстнымъ условіямъ, къ мѣстнымъ потребностямъ общества и учащихся.

Другой формулы соединенія началъ: чисто-научнаго и прикладнаго, въ одномъ и томъ-же учрежденіи,

для насъ нѣтъ. Раздѣлить то и другое, безъ вреда для тѣхъ и другихъ,—избранныхъ и массъ,—также не возможно.“

Въ заключеніе авторъ разсматриваетъ вопросъ о воспитательномъ значеніи университета.

Хотя университетъ, какъ учрежденіе учебное, еще никто не признаетъ ео ipso воспитательнымъ; но учить не образуя и не воспитывая нельзя. Чѣмъ болѣе кто учится, тѣмъ болѣе образуется. Кто учится, тотъ и узнаетъ, какъ и что нужно дѣлать. Или этого мало:—ученіе идетъ не всегда въ прокъ:—надо не только знать, но и умѣть исполнять то, что знаешь, т. е. надобно, чтобы кто-нибудь за этимъ надзиралъ,—значить училъ еще, какъ исполнять то, что знаешь и долженъ знать, если учишься.

„Такіе учителя, говоритъ авторъ, будутъ воспитатели *par excellence*, въ отличіе отъ тѣхъ, которые учатъ только знать.

„А такіе воспитатели будутъ ни болѣе, ни меньше, отцы, да еще какіе? которые выше учителей, потому что не только знаютъ, но и знаютъ еще какъ дѣлать, что знаютъ. Или наконецъ, это будетъ сама жизнь. Разумѣется, этихъ отцовъ и воспитателей не только въ университетѣ на лицо нѣтъ, но и въ цѣломъ свѣтѣ немного. А жизнь впереди. И потому за неимѣніемъ, прибѣгаютъ къ дѣйствіямъ отрицательнымъ, то есть, надзираютъ не затѣмъ, чтобы было все хорошо, а затѣмъ, чтобы небыло слишкомъ худо. Это и

значитъ полиція. И такъ, все воспитательное сводится на полицейское“. Однако-же, есть въ Англіи, говорятъ, настоящіе воспитательные университеты. Но при этомъ забываютъ, что если англійскія коллегіи сдѣлались такъ славны славою своихъ учениковъ, то этимъ они обязаны въ значительной степени своему способу ученія, который потому не дешевъ. Способъ этотъ совершенно противоположенъ свободѣ ученія германскихъ университетовъ. И такъ, скажутъ, англійская обязательность ученія и экзамены ни сколько не вредятъ ни таланту, ни любознанію. Но изъ защитниковъ обязательнаго ученія, не многіе мечтаютъ о возможности учредить въ Россіи хотя что-нибудь подобное оксфордскому и кембриджскому университетамъ. Обыкновенно представляютъ себѣ обязательность такъ или почти такъ, какъ прежде; т. е. раздѣленіе на курсы, обязательный выборъ предметовъ, годовые или двух-годовые экзамены. И вмѣстѣ съ этимъ, хотятъ удержать теперешній способъ преподаванія, взятый изъ французскихъ или нѣмецкихъ университетовъ. Что-же изъ этого выйдетъ? Преподаваніе свободное, а ученіе обязательное. Студентъ долженъ посѣщать лекціи и держать экзаменъ, а на лекціяхъ онъ пассивный слушатель, и профессору дѣлать, слѣдить-ли онъ и понимаетъ-ли его лекціи, или нѣтъ. И хотятъ увѣрить, что такая обязательность хороша. (71)“.

По мнѣнію автора, обязательность вообще несовмѣстима съ университетскимъ ученіемъ, потому что для массъ она легко переходитъ въ безплодную формальность, а для избраннаго меньшинства должна быть употребляема съ осторожностію и большимъ знаніемъ

дѣла, иначе она вредить и свободному развитію научной дѣятельности и развитію таланта.

При этомъ г. Пироговъ припоминаетъ, какъ его самого парализировали экзамены. „Ничего, говоритъ онъ, я такъ скоро не забывалъ какъ-то, что обязанъ былъ приготовить для экзамена. Лѣтъ 30 послѣ того, если я ночью пробуждался отъ непріятнаго чувства, то это почти всегда было приготовленіе къ экзамену во снѣ.“ (66).

Такимъ образомъ, обязательное ученіе нельзя принять за воспитательный элементъ университетовъ. Еще менѣе способна сдѣлать ихъ воспитательными учрежденіями университетская полиція, несостоятельность которой доказали недавніе безпорядки, происходившіе почти во всѣхъ русскихъ университетахъ. (74—78).

По мнѣнію г. Пирогова, сохраненія порядка можно скорѣе достигнуть въ университетскихъ судахъ и расправахъ. Но для этого устройства, понадобится со стороны коллегіи столько самоотверженія, столько нравственной силы, а со стороны студентовъ столько довѣрія и того, у насъ незнакомаго чувства, которое прежде называлось *pietas erga praesceptores*, что успокоительное дѣйствіе этихъ судовъ и расправъ у насъ болѣе чѣмъ сомнительно, по крайней мѣрѣ, въ настоящее переходное время.

Сильной нравственной связи между коллегіею профессоровъ и студентами у насъ почти никогда небыло. Замѣчалось иногда частное вліяніе даровитыхъ лично-

стей. Преданіе не соединяло цѣлыя поколѣнія съ университетомъ, какъ въ Германіи, Англіи и у насъ въ Дерптѣ. Если-же и при такихъ условіяхъ коллегія возьметъ на себя отвѣтственность передъ правительствомъ за сохраненіе порядка между студентами, то это будетъ готовность, которой нельзя не желать успѣха. Но для этого коллегія, прежде всего, должна возстановить свое нравственное значеніе; одной автономіи мало, недостаточно также и личнаго вліянія любимыхъ наставниковъ; не личное оно должно быть, а коллективное, и требуетъ свойствъ, въ наше время рѣдкихъ: самоотверженія, безъ котораго нельзя имѣть дѣла съ студентами, справедливости и безпристрастія, которыя высоко цѣнятся молодежью, любви и уваженія къ молодости, безъ которыхъ зрѣлый человѣкъ не вѣрно судить, теряетъ терпѣніе и ожесточается, смотря на поступки незрѣлаго. И такъ, чтобы достигнуть успѣха, нужно будетъ много времени, много дѣла, и главное, много знанія дѣла. „А покуда, говоритъ авторъ, нельзя не обратить вниманія на одно важное обстоятельство, которое вредитъ нормальности всѣхъ проявленій нашей жизни. Это наше неуваженіе къ факту. „У насъ съ малолѣтства приучаютъ его обходить. Грамота для насъ ни-почемъ, намъ нужно развитіе, и не имѣя грамотныхъ учителей, мы хотимъ имѣть учителей развитыхъ. Въ училищахъ намъ не нужна ни латинская, ни греческая грамматики, потому что намъ вовсе не нужно фактическое знаніе мертвыхъ языковъ, а только результаты, добытые ими на западѣ. Нашимъ дѣтямъ не нужны и фактическія мелочи и числа въ исторіи, а взгляды на жизнь народовъ. Въ наукахъ естественныхъ, не уча систематикъ, мы излагаемъ ученикамъ теорію зачатія и исторію развитія.

Въ математикѣ, не теряя времени на рѣшеніе арифметическихъ задачъ, мы смѣшимъ переходить къ отвлеченнымъ величинамъ, въ изученіи языка—къ отвлеченнымъ обзорѣніямъ литературы всѣхъ народовъ. Вступая, послѣ такой подготовки, въ университетъ, прежде мы бросались на Гегеля и Шеллинга; теперь, когда они не въ модѣ, начали развивать себя различными воззрѣніями, принялись за открытія, проводимъ новые взгляды на жизнь и науку, а потомъ дѣлаемся педагогами, отрицая педагогію, углубляемся въ научныя изслѣдованія, отрицая науку, и, обязанные всѣмъ западному просвѣщенію, отвергаемъ его значеніе. Намъ смѣшна нѣмецкая усидчивость въ разысканіи фактовъ. Она кажется намъ слѣдствіемъ тупоумія и ограниченности взгляда. У насъ, кромѣ лекцій, нѣтъ другой оцѣнки достоинству профессора. Учасъ, мы не интересуемся изучать скучный процессъ фактическаго дознанія и не заботимся прослѣдить тотъ механизмъ, которымъ дошелъ нашъ наставникъ до убѣжденія. Ни наши ученики не имѣютъ охоты заглянуть въ рабочую учителя, ни учителя пригласить ихъ туда. Нужно—или послѣ этого скорѣе не нужно,—удивляться какъ туго идетъ у насъ вообще вся фактическая сторона знанія. Отъ науки переходитъ это направленіе и въ жизнь. Тогда какъ въ политикѣ образованныхъ народовъ «un fait accompli» получаетъ теперь все болѣе и болѣе значенія, у насъ совершившійся фактъ теряетъ и то, которымъ онъ пользуется у необразованныхъ. Мы,—на пути къ отвлеченію,—все ищемъ смысла въ фактѣ и теряемъ свой, забывая что осмысленный или неосмысленный фактъ, если только вѣренъ, также важенъ, какъ опытъ Гальвани надъ лягушками, котораго значеніе для общества

тогда только поняли, когда сдѣлали электрическіе телеграфы. Между-тѣмъ, вся связь общества, все вліяніе одного поколѣнія на другое, и одной среды на другую, основано на уваженіи къ фактической сторонѣ жизни. Взгляды и воззрѣнія раздѣляютъ общество; фактъ соединяетъ. Потому-то развить въ новомъ поколѣніи уваженіе къ факту, авторъ считаетъ одною изъ самыхъ главныхъ задачъ нашего университета.“ (83 стр.)

Таково содержаніе „Университетскаго вопроса“. Нельзя не сочувствовать большей части положеній и взглядовъ г. Пирогова. Едва-ли нужно прибавлять, что изложеніе ихъ отличается силою и увлекательностію, качествами, которыя мы привыкли встрѣчать въ сочиненіяхъ автора „Вопросовъ жизни“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что въ брошюрѣ есть нѣсколько мыслей, съ которыми нельзя согласиться. Кромѣ того, взгляды автора на настоящее и прошлое нашихъ университетовъ кажутся намъ нѣсколько идеализированными, или выражаясь точнѣе, слишкомъ общими и отвлеченными. Мы не сомнѣваемся, что основаніемъ имъ служили факты. Но что это за факты? къ какому времени и къ какимъ изъ нашихъ университетовъ они относятся?—Этого не видно изъ изложенія г. Пирогова. А потому для пользы самаго дѣла, которое такъ дорого почтенному автору, мы желали-бы, чтобы усвоенные имъ взгляды, не только для него, но и для читателей опирались на положительное содержаніе. Въ оправданіе сдѣланнаго нами отзыва о замѣчательномъ трудѣ г. Пирогова, считаемъ обязанностію представить подробную его оцѣнку, изложивъ замѣчанія наши съ такою-же послѣдовательностію, съ какою передано нами содержаніе „Университетскаго вопроса“.

Авторъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что нынѣшніе университеты соотвѣтствуютъ своему идеалу менѣе, чѣмъ ихъ первообразы, основанные передовыми людьми своего времени. Но намъ кажется, что при объясненіи причинъ такого явленія, заключающагося, по мнѣнію его, исключительно во внѣшнихъ вліяніяхъ (правительствъ, церкви и общества) онъ упустилъ изъ виду одно обстоятельство, едва-ли не самое важное: это постепенное накопленіе массы человѣческихъ знаній, вызвавшее необходимость образованія новыхъ наукъ и, въ теченіе вѣковъ, принявшее столь обширные размѣры, что не смотря на значительность персонала теперешнихъ университетовъ, мы не находимъ по словамъ автора, ни въ одномъ изъ нихъ каѳедръ не только всѣхъ, но даже и половины современныхъ наукъ. А потому весьма естественно, что задача университетовъ теперь сдѣлалась гораздо труднѣе, чѣмъ въ то время, когда весь кругъ человѣческой мудрости ограничивался какими-нибудь семью науками составлявшими такъ назыв. *trivium* и *quadrivium*. Впрочемъ, мы нисколько не отвергаемъ зависимости университета отъ условій практической жизни. Такъ правительство и церковь, вторгаясь въ науку, ограничиваютъ ее. Только вліянію ихъ не слѣдуетъ придавать въ наше время слишкомъ большаго значенія, и притомъ оно распространяется не на всѣ университеты и не на всѣ науки. Самъ г. Пироговъ говоритъ (6 стр.), что германскимъ университетамъ послѣ продолжительной борьбы съ бюрократизмомъ и церковью, удалось сохранить свою дорогую *Lernfreiheit*. Что касается до требованій общества, то для рѣшенія вопроса объ ихъ уважительности, необходимо прежде условиться, что должно разумѣть подъ именемъ общества.

Массы-ли народа, вездѣ болѣе или менѣе невѣжественныя, или-же извѣстный, наиболѣе вліятельный классъ гражданъ, считающійся представителемъ общественнаго мнѣнія. Въ первомъ случаѣ внимательство общества въ науку, очевидно, можетъ обратиться ей во вредъ; во второмъ оно было-бы тогда только законно и желательно, если-бы классъ людей, пользующійся наибольшимъ значеніемъ въ государствѣ, въ тоже время былъ самымъ образованнымъ. Но вѣдь не всегда бываетъ такъ на самомъ дѣлѣ. Давно-ли у насъ высшія сословія относились къ наукѣ съ полнымъ равнодушіемъ и даже съ презрѣніемъ, теперь начинаютъ оказывать ей гораздо болѣе вниманія. Но за то и въ нашемъ отечествѣ и на западѣ Европы въ извѣстныхъ кругахъ высказывается желаніе привить къ ней несвойственныя ей стремленія, нерѣдко имѣющія источникомъ своимъ страсти. Спрашивается, слѣдуетъ-ли университету обращать вниманіе на подобныя требованія и сообразоваться съ ними? Нѣтъ, тысячу разъ, нѣтъ. Профессоръ, который изъ желанія угодить своей аудиторіи, рѣшается искажать науку, недостоемъ имени наставника. Онъ долженъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, а не потакать его слабостямъ. Другое дѣло—нормальныя, разумныя требованія общества. Забота объ ихъ удовлетвореніи составляетъ одну изъ нравственныхъ обязанностей университета. Если, по прекрасному замѣчанію автора, общество тогда только начинаетъ жить, а не просто расти, когда все, чѣмъ оно живетъ — языкъ, вѣра, обычаи, преданіе, слагаются въ науку, то въ свою очередь наука развѣ не дочь общества, которое вправѣ требовать отъ нея, чтобы она отвѣчала на всѣ современныя требованія дѣйствительной жизни. А потому университеты

тогда только оправдаютъ свое назначеніе и имя, когда они будутъ доставлять желающимъ достаточныя средства къ приготовленію себя для всѣхъ тѣхъ родовъ общественной дѣятельности, къ которымъ каждый изъ нихъ чувствуетъ призваніе. Пусть изъ аудиторій ихъ выходятъ врачи, педагоги, юристы, администраторы, даже просвѣщенные и доблестные воины, но пусть не оставляютъ они безъ удовлетворенія и тѣхъ благородныхъ тружениковъ, которыхъ томить священная жажда знанія, и которые занимаются наукой ради самой науки, а не для выгодъ, доставляемыхъ ею въ жизни. Соотвѣтственно такому назначенію университетовъ, рѣшается вопросъ о томъ, какъ должны быть организованы преподаваемые въ нихъ курсы. Но объ этомъ рѣчь будетъ ниже, а теперь послѣдуемъ за авторомъ разсматриваемой нами брошюры.

Соглашаясь вообще съ характеристикой русскихъ университетовъ, сдѣланной г. Пироговымъ, мы не видимъ достаточнаго основанія, почему авторъ приписалъ имъ между прочимъ и филантропическій характеръ. Вѣроятно, поводомъ къ такому мнѣнію послужили казенно-коштные стипендіи, учрежденныя при университетахъ на основаніи уставовъ 1804 и 1835 годовъ. Но открывая эти стипендіи, правительство руководствовалось вовсе не благотворительною цѣлью, а имѣло въ виду отвратить недостатокъ въ педагогахъ и врачахъ, слѣдовательно удовлетвореніе собственныхъ своихъ нуждъ, и въ первыя времена, какъ видно изъ дѣлъ, хранящихся въ университетскихъ архивахъ, весьма неохотно освобождало отъ обязательной службы тѣхъ изъ числа молодыхъ людей, окончившихъ полный курсъ наукъ,

которые заявляли готовность возратить казнѣ истраченную на ихъ содержаніе сумму, подѣ условіемъ предоставленія имъ свободнаго выбора карьеры. Что касается до частныхъ стипендій, существующихъ не только въ русскихъ, но и въ иностранныхъ университетахъ, то онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ не столько благотворительности, сколько патріотизму своихъ основателей и отчасти свойственному человѣку желанію оставить о себѣ память въ потомствѣ.

Гораздо важнѣе другое замѣчаніе, которое мы намерены сдѣлать автору. Странно, что говоря о слабости жизненныхъ силъ нашихъ университетскихъ коллегій, вынуждавшей два раза правительство прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ для обновленія ихъ состава, онъ не обратилъ вниманія на различіе между настоящимъ состояніемъ университетовъ и тѣмъ, въ которомъ они находились лѣтъ тридцать тому назадъ. Тогда преподаваніе въ нашихъ университетахъ было дѣйствительно весьма слабо и аудиторіи, не смотря на блестящія исключенія, представляли много уродливаго и смѣшнаго, хотя вакантныхъ кафедръ было можетъ-быть менѣе, чѣмъ теперь. Грѣхъ сказать что нибудь подобное про современные русскіе университеты. Личный составъ ихъ не только несравненно выше университетскаго персонала въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ, но и удовлетворительнѣе, чѣмъ былъ въ эпоху, слѣдовавшую непосредственно за возвращеніемъ изъ за границы воспитанниковъ профессорскаго института. Надѣмся, что отзывъ нашъ не покажется пристрастнымъ людямъ, слѣдившимъ со вниманіемъ за успѣхами русской ученой литературы, или имѣвшимъ случай посѣщать аудиторіи

разныхъ русскихъ университетовъ. Такъ въ с.-петербургскомъ университетѣ юридическій факультетъ никогда небылъ такъ хорошъ, какъ въ послѣдніе годы передъ его закрытіемъ. Тоже можно сказать и о харьковскомъ, гдѣ изъ числа четырехъ членовъ его, одинъ только, по окончаніи курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ, приготовлялся къ профессорству въ Берлинѣ, два другіе вовсе небыли за границей, а четвертый совершилъ путешествіе по Европѣ, доставившее ему лестную извѣстность въ кругу иностранныхъ ученыхъ, едва-ли не на десятый годъ своей преподавательской дѣятельности. Въ историко-филологическомъ факультетѣ харьковскаго университета, болѣе другихъ намъ извѣстнаго, всѣ наличныя каѳедры обстановлены также весьма удовлетворительно, а между тѣмъ лица ихъ занимающія или вовсе небыли за границей, или познакомились съ иностранными университетами, спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ вступленія ихъ въ члены коллегіи. Основываясь на этихъ и другихъ фактахъ, почерпнутыхъ изъ практики университетской жизни, мы рѣшаемся утверждать, что недостатокъ русскихъ современныхъ университетовъ заключается не въ качествѣ преподаванія, а въ значительномъ числѣ вакантныхъ каѳедръ, и то въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ университетахъ, что произошло отъ причинъ, вовсе не зависѣвшихъ отъ самой коллегіи, между которыми, по нашему мнѣнію, должны быть поставлены на первомъ планѣ—недостаточность матеріальнаго обезпеченія служителей науки и система нашихъ экзаменовъ на высшія ученныя степени, тягостный формализмъ которой въ настоящее время, при развивающейся и у насъ склонности къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ, чувствуется

живѣе, чѣмъ прежде и отбиваетъ охоту у талантливыхъ молодыхъ людей избирать ученую каррьеру. Высказывая такую мысль, мы можемъ въ оправданіе ея сослаться на наши медицинскіе факультеты, гдѣ вакантныя каѳедры замѣщаются весьма скоро и объявляемые конкурсы никогда почти не остаются безъ отвѣта. Это потому, что ученый врачъ, являясь искателемъ каѳедры, рассчитываетъ не на одно только профессорское жалованье, но и на доходы отъ медицинской практики, часто весьма значительные, и что пріобрѣтеніе докторской степени, открывающей доступъ въ коллегію, по медицинскому факультету легче и требуетъ гораздо менѣе времени, чѣмъ по остальнымъ тремъ факультетамъ. Впрочемъ, кромѣ указанныхъ нами главныхъ причинъ, количественному оскудѣнію жизненныхъ силъ нашихъ университетовъ отчасти способствовали и другія обстоятельства, какъ-то: а) весьма ограниченное число студентовъ на историко-филологическихъ факультетахъ вслѣдствіе дурной организаціи этого факультета, мѣшающей молодымъ людямъ, чувствующимъ призваніе къ ученымъ занятіямъ, сосредоточиться на одной или нѣсколькихъ наукахъ; б) упраздненіе въ 1859 году главнаго педагогическаго института, которое, по мнѣнію нашему, слѣдовало-бы отложить до преобразованія русскихъ университетовъ и с) прекращеніе съ 1849 года отправленій за границу, какъ со стороны бывшаго педагогическаго института, такъ и университетовъ, продолжавшееся до вступленія на престолъ нынѣ царствующаго Государа Императора. Хотя въ 1857 году, по представленію бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, и разрѣшено университетамъ оставлять отличнѣйшихъ изъ кандидатовъ для дальнѣйшаго

усовершенствованія въ наукахъ и посылать ихъ за границу, но по скудости денежныхъ средствъ, они не могли сдѣлать изъ этого права примѣненія, соотвѣтствующаго обширности ихъ нуждъ. Мы совершенно согласны съ авторомъ, что русскіе университеты, предъ замѣщеніемъ кафедръ воспитанниками профессорскаго института, находились въ крайне-незавидномъ положеніи, но мы считаемъ несправедливымъ возлагать въ этомъ случаѣ всю отвѣтственность на университеты и данное имъ устройство. Если часть вины и должна пасть на нихъ, то развѣ самая незначительная. Главный корень зла надо искать не въ коллегіи, а внѣ ея. Вспомнимъ, что первые годы жизни провинціальныхъ нашихъ университетовъ, основанныхъ Императоромъ Александромъ I и обязанныхъ ему уставами, предоставлявшими имъ значительную автономію, хотя и небезпогрѣзительными, совпадаютъ съ эпохою смутъ, возбужденныхъ на западѣ Европы великимъ завоевателемъ и отразившихся неблагоприятно на дальнѣйшемъ развитіи молодыхъ разсадниковъ русской науки. Когда въ 1811 году совѣтъ Харьковскаго университета ходатайствовалъ о разрѣшеніи отправить за границу двухъ отличнѣйшихъ кандидатовъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій, принимая во вниманіе современныя политическія обстоятельства, не изъявилъ на это согласія и предложилъ университету командировать обоихъ рекомендованныхъ имъ молодыхъ ученыхъ въ наши столицы, одного въ Петербургъ для усовершенствованія въ высшей математикѣ подъ руководствомъ академиковъ Шуберта и Гурьева, а другаго въ Москву къ знаменитому естествоиспытателю Фишеру. Послѣ неудачи перваго представленія, совѣтъ долго не рѣшался на новыя

попытки, вѣроятно, убѣжденный въ ихъ безуспѣшности и лучшихъ изъ воспитанниковъ своихъ, предназначенныхъ впослѣдствіи къ замѣщенію каѳедръ, или прямо дѣлалъ адъюнктами по выдержаніи ими магистерскаго экзамена, или же посылалъ на нѣкоторое время старшими учителями въ гимназіи округа для ознакомленія ихъ съ педагогической практикой. Такимъ образомъ непосредственные преемники первыхъ профессоровъ харьковского университета, состоявшихъ преимущественно изъ иностранцевъ, начавъ и довершивъ свое ученое образованіе почти исключительно подъ руководствомъ своихъ наставниковъ, лишены были возможности провѣрить достоинства пріобрѣтенныхъ ими знаній посредствомъ сравненія съ однородными курсами, читанными въ лучшихъ европейскихъ университетахъ, и притомъ у нихъ оставалось весьма мало свободного времени для самостоятельнаго занятія наукою, отъ которой посланныхъ въ гимназіи отвлекали учительскія обязанности и недостатокъ учебныхъ пособій въ большей части губернскихъ городовъ, а кандидаты, прикомандированные къ университету, хотя относительно послѣдняго условія находились въ лучшемъ положеніи сравнительно съ своими товарищами, но за то нерѣдко обременяемы были порученіями. О томъ, какія это были порученія и сколько тратилось времени на ихъ исполненіе, можно судить по одному примѣру, взятому изъ исторіи харьковского университета. Одинъ изъ воспитанниковъ этого университета адъюнктъ, впослѣдствіи профессоръ В. С. Комлишинскій, среди приготовленій къ магистерскому и докторскому экзаменамъ, перевелъ съ нѣмецкой рукописи на русскій языкъ сначала физику своего наставника-профессора Стойковича, а потомъ курсъ химіи

другаго своего профессора Гизе, состоявшій изъ 4-хъ
объемистыхъ томовъ, изъ которыхъ въ каждомъ было
не менѣе 30 печатныхъ листовъ. Спрашивается, сколь-
ко пользы могъ-бы извлечь молодой ученый для себя и
своихъ слушателей, если-бы время, посвященное имъ на
столь громадный, хотя и весьма полезный для русской
литературы трудъ, онъ употребилъ на болѣе самостоя-
тельныя занятія наукой, слѣдя за литературой ея и
слушая курсы дѣльныхъ профессоровъ. Послѣ возста-
новленія спокойствія въ Европѣ, русскіе университеты
начали пользоваться предоставленнымъ имъ правомъ по-
сылать за границу лучшихъ изъ своихъ питомцевъ, но
пользовались имъ весьма умѣренно, частію по недостат-
ку денежныхъ средствъ, а частію потому, что многіе
профессоры, не имѣвъ сами случая познакомиться съ
иностранными университетами, смотрѣли несовсѣмъ дру-
желюбно на заграничныя командировки, вѣроятно, опа-
саясь, чтобы ученики не затмили своихъ наставниковъ.
Между-тѣмъ, едва Европа успокоилась отъ наполеонов-
скаго разгрома, какъ явился новый врагъ преуспѣянію
русскихъ университетовъ въ лицѣ реакціи, обнаружив-
шейся вскорѣ послѣ парижскаго мира не только у
насъ, но и въ Германіи противъ свободы университет-
скаго ученія, заподозрѣннаго въ распространеніи лож-
ныхъ идей. Это было время по истинѣ тяжелое для
русскихъ университетовъ. Въ 1821 году въ Геттер-
бургскомъ университетѣ уволены были отъ должности
ректоръ Болугьянскій и нѣсколько профессоровъ. Тоже
случилось нѣсколько ранѣе въ казанскомъ университе-
тѣ, а въ харьковскомъ еще въ 1817 году высланъ
былъ за границу одинъ изъ лучшихъ преподавателей
его профессоръ Шадъ, за изданныя имъ сочиненія, най-

денныя несогласными съ религіею и государственными учрежденіями Россіи, что до такой степени напугало товарища его префессора Рейта, человѣка отъ природы робкаго, что диктуя своимъ слушателямъ на лекціяхъ естественное право, онъ по нѣскольکو разъ обдумывалъ и измѣнялъ выраженія, самыя невинныя, боясь проговориться. Спустя четыре года другой извѣстный ученый, бывший украшеніемъ физико-математическаго факультета харьковскаго университета Т. С. Осиповскій, заподозрѣнный попечителемъ въ вольнодумствѣ, по поводу сдѣланнаго на экзаменѣ одному студенту замѣчанія, что, говоря о Богѣ, умѣстнѣе употребить выраженіе „существуетъ“ вмѣсто „живетъ“, противъ собственнаго желанія былъ уволенъ отъ службы съ пенсіей по выслугѣ 25-лѣтняго срока, а любимому ученику его, впоследствии знаменитому нашему академику М. В. Остроградскому, министерство отказало въ кандидатской степени подъ предлогомъ несоблюденія въ отношеніи къ нему недавно изданныхъ правилъ объ испытаніяхъ, а въ самомъ дѣлѣ потому, что противъ него былъ сильно настроенъ тогдашній попечитель, вслѣдствіе заявленія сдѣланнаго однимъ изъ профессоровъ, что онъ никогда не посѣщалъ лекцій богословія. Роясь въ старыхъ дѣлахъ, мы отыскали, что въ типографіи харьковскаго университета въ 1817 году печаталось циркулярное предложеніе о томъ, что священное писаніе должно служить основою при преподаваніи всѣхъ наукъ. Сохранилось преданіе, что нѣкоторые изъ профессоровъ, желая угодить начальнику, кстати и не кстати приводили на лекціяхъ тексты, а въ казанскомъ университетѣ, по распоряженію попечителя, преподавалось естественное право въ смыслѣ обличительномъ. Понятно, что подобная ат-

мосфера не могла благопріятствовать свободному росту науки и что отсталость должна была болѣе и болѣе вторгаться въ университетскіе курсы, которые, по словамъ тогдашнихъ студентовъ, читались по благонадежнымъ руководствамъ, однажды на всегда избраннымъ, или-же по тощимъ запискамъ, приправленнымъ въ устномъ разсказѣ блестящей фразеологіей и занимательными, только не въ научномъ отношеніи, анекдотами.

Замѣчанія, сдѣланныя нами, касаются частныхъ, но нисколько не ослабляютъ силы высказаннаго авторомъ мнѣнія о настоятельности университетской реформы. Если русскіе университеты въ послѣдніе тридцать лѣтъ значительно измѣнились къ лучшему, то отсюда не слѣдуетъ, что все въ нихъ хорошо и что нужно отложить всякое попеченіе объ устраненіи ихъ недостатковъ. И теперь удастся иногда посредственности втираться въ ряды сподвижниковъ науки, хотя и гораздо рѣже, чѣмъ прежде, а этого быть не должно. Во 2-хъ, мы выше видѣли, что въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ провинціальныхъ университетовъ находится много вакантныхъ кафедръ, слѣдовательно студенты имѣютъ руководителей далеко не по всѣмъ тѣмъ наукамъ, съ которыми желали-бы ознакомиться, а скопленіе разнородныхъ предметовъ на одномъ и томъ-же факультетѣ, мѣшая имъ специализировать свои занятія, благопріятствуетъ поверхностности и энциклопедизму въ ущербъ основательности знанія. Кромѣ того у насъ почти вовсе нѣтъ существующихъ въ германскихъ университетахъ частныхъ специальныхъ курсовъ по разнымъ отраслямъ преподаваемыхъ наукъ, а между тѣмъ польза такихъ курсовъ несомнѣнна. Знакома слушателей съ научными методами

изслѣдованій, они возбуждаютъ ихъ самостоятельность, что составляетъ одну изъ главныхъ задачъ университетскаго образованія. Наконецъ система нашихъ экзаменовъ на ученые степени устроена такъ, что требованіямъ ея не всегда удовлетворитъ и отличный спеціалистъ; составившій себѣ имя въ ученomъ свѣтѣ, и на оборотъ, легко можетъ сдѣлаться магистромъ и даже докторомъ чловѣкъ вовсе неспособный къ самостоятельнымъ занятіямъ наукой. Правда Положеніе требуетъ отъ доктора критическаго, т. е. самостоятельнаго знанія науки, но можно-ли говорить серьезно о выполненіи подобнаго условія, когда всей чловѣческой жизни часто бываетъ недостаточно для усвоенія одной науки. Возьмите напримѣръ хоть всеобщую исторію. А вѣдь доктору приходится сдавать экзаменъ въ какихъ-нибудь четырехъ или пяти предметахъ, и никакъ не менѣе трехъ. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, достаточно объясняютъ, почему не смотря на большой приливъ молодежи въ наши аудиторіи, такъ мало избирающихъ ученую каррьеру. Имъ-же слѣдуетъ приписать и то неутѣшительное явленіе, что русская ученая литература далеко уступаетъ западно-европейской, не имѣя порядочныхъ руководствъ по всѣмъ предметамъ не только университетскаго, но и гимназическаго преподаванія. Кажется, достаточно поводовъ къ реформѣ.

Большая часть мѣръ, предлагаемыхъ авторомъ для поднятія уровня русскихъ университетовъ, кажутся намъ цѣлесообразными. Онъ желалъ-бы освободить учепую коллегію отъ бюрократизма. Вполнѣ сочувствуемъ этому желанію, хотя скажемъ откровенно, и не видимъ большой бѣды въ оставленіи чиновъ. Вѣдь и въ ученой

Германія знаменитѣйшіе профессора не пренебрегаютъ почетнымъ титуломъ гофратовъ и дорожатъ орденами, жалуемыми имъ своими и иностранными правительствами, также какъ и французы своимъ *legion d'honneur*. И это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ и другимъ обогащать науку капитальными трудами. У насъ чины составляли прежде предметъ искательства, какъ средство получить дворянство, а также ради почета въ обществѣ, гдѣ еще не такъ давно цѣнились человѣческія достоинства, на основаніи таблицы о рангахъ. Но собственно въ университетскомъ кругу они никогда не имѣли особеннаго значенія. Большой чинъ нисколько не возвышалъ дурнаго профессора въ глазахъ слушателей, а въ самой коллегіи старшинство между членами, какъ извѣстно, считается не по чинамъ, а по должностямъ и по времени утвержденія въ одной и той-же должности. Молодой ученый, избранный прямо въ ординарные профессора, въ совѣтскихъ и факультетскихъ засѣданіяхъ, занимаетъ мѣсто выше экстраординарнаго, имѣющаго чинъ статскаго совѣтника, и можетъ сдѣлаться деканомъ и даже ректоромъ. Между-тѣмъ наблюдалъ за настроеніемъ русскаго общества, нельзя не замѣтить, что цѣна на чины въ послѣднее время у насъ сильно упала, а ученое сословіе, особенно молодое поколѣніе, такъ мало интересуется ими, что я знаю нѣсколько случаевъ, когда преподаватели университета, правда люди недостаточные, просили какъ милости, не представлять ихъ въ слѣдующій чинъ. Если и полезно уничтожить чины, то не профессорскіе, а тѣ, которые даются лицамъ, окончившимъ курсъ университетскаго образованія, или имѣющимъ дипломы на ученые степени. Тогда умень-

шилось-бы однимъ вѣншимъ стимуломъ къ занятіямъ наукой и университетскія аудиторіи освободились-бы отъ искателей чиновныхъ привилегій. Но съ другой стороны мы считаемъ справедливымъ оказывать болѣе вниманія университетскому аттестату при опредѣленіи въ гражданскую службу, а всего лучше замѣщать извѣстныя должности не иначе, какъ по конкурсу, отмѣнивъ монополію на нихъ воспитанниковъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній, въ особенности правовѣдовъ, которые въ 2—3 года по окончаніи курса, нерѣдко дѣлаются стряпчими и товарищами предсѣдателя, а иногда шагаютъ и далѣе, между тѣмъ, какъ отличнѣйшіе изъ кандидатовъ юридическаго факультета часто лишены бываютъ возможности употребить на пользу общества свои способности и знанія, потому, что ихъ или вовсе обходятъ, или предлагаютъ имъ такія мѣста, гдѣ нуженъ одинъ только механическій трудъ. Не вполнѣ раздѣляя мнѣніе г. Пирогова касательно вредности чиновъ, мы вмѣстѣ съ нимъ признаемъ бюрократизмъ однимъ изъ главныхъ недуговъ современныхъ русскихъ университетовъ. Бюрократизмъ этотъ проявляется: 1) въ отношеніяхъ профессоровъ къ студентамъ; 2) въ отношеніяхъ высшей инстанціи къ коллегіи и 3) въ существующемъ порядкѣ университетскаго дѣлопроизводства. Мы бы желали, чтобы обращеніе наставниковъ съ своими слушателями представляло менѣе оффиціальной натянутости и сухости, чтобы оба университетскія сословія, старшее и младшее, смотрѣли другъ на друга, какъ на членовъ одной общей семьи и проникнуты были чувствомъ взаимнаго довѣрія и любви, чтобы ухо и дверь жилища профессора во всякое время были открыты для студента, по-

ступившаго въ университетъ съ искреннимъ желаніемъ учиться. И теперь и въ прежнее время можно указать не мало примѣровъ существованія самыхъ лучшихъ отношеній между преподавателями и студентами. Но бывали и случаи, про которые грустно вспомнить. Профессоръ Шульгинъ, въ своемъ „очеркѣ исторіи университета св. Владиміра“, говоря объ одномъ весьма извѣстномъ ученомъ и администраторѣ, ставитъ ему въ упоръ недостатокъ человѣчнаго обращенія съ подчиненными и сообщаетъ преданіе о томъ, какъ, сдѣлавшись ректоромъ и управлявъ округомъ въ отсутствіе попечителя, этотъ ученый швырялъ черезъ спину прошенія, подаваемыя ему учителями. Покойный профессоръ и ректоръ харьковскаго университета И. Я. Кронебергъ никогда не былъ грубъ съ своими слушателями, но держалъ себя отъ нихъ на такой почтительной дистанціи, что ни я, ни мои товарищи не рѣшались прибѣгать къ нему за совѣтами и просить его указаній. Напротивъ у профессора Цыха не было и тѣни казенно-начальническихъ пріемовъ и это нисколько не препятствовало ему пользоваться уваженіемъ студентовъ и высказать твердость своего характера и административныя способности, когда впослѣдствіи онъ сдѣлался ректоромъ университета св. Владиміра. Говоря объ отношеніяхъ высшей инстанціи къ коллегіи, мы разумѣемъ существующіе порядки, а не личныя отношенія, которыя, естественно, много зависятъ отъ субъективности начальника. Основаніемъ порядкамъ этимъ служатъ формализмъ и недовѣріе. Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ университетахъ велись лѣтъ тридцать, а можетъ быть и теперь ведутся книги, въ которыхъ преподаватели обязаны собственноручно росписываться въ чтеніи ими лек-

цій, съ цѣлью побудить ихъ къ исправному исполненію своихъ обязанностей; кромѣ того каждую недѣлю дѣлаются донесенія попечителю о пропущенныхъ лекціяхъ, да еще два раза въ годъ представляются о томъ же предметѣ двѣ большія вѣдомости, составленіе которыхъ причиняетъ всегда много хлопотъ канцеляріи и ректору. Читая эти вѣдомости и усматривая изъ нихъ, что такой-то профессоръ не пропустилъ ни одной лекціи, подумаешь: вотъ человѣкъ, всецѣло посвятившій себя высокому своему призванію, а между тѣмъ нерѣдко случается, что этотъ мнимый ревнитель науки въ тысячу разъ приносить студентамъ менѣе пользы, чѣмъ другой его товарищъ, который хотя и пропустилъ нѣсколько лекцій, но болѣзни, домашними обстоятельствами или просто по нерасположенію читать, но зато постоянно являлся въ аудиторію хорошо приготовленнымъ и умѣвшимъ заинтересовать своихъ слушателей. Мы нисколько непротивъ контроля за дѣйствіями коллегіи и ея членовъ, но думаемъ, что контроль этотъ долженъ быть устроенъ на другихъ, болѣе раціональных основаніяхъ и вполнѣ сочувствуемъ мысли автора о необходимости образованія при министерствѣ народнаго просвѣщенія ученымъ совѣтъ изъ экспертовъ, въ которомъ всѣ дѣла, поступающія изъ университетовъ на рѣшеніе высшей инстанціи, обсуживались-бы не съ бюрократической точки зрѣнія, а со стороны научныхъ интересовъ. „Пора также серьезно подумать“, скажемъ вмѣстѣ съ авторомъ, что наблюдать за ходомъ просвѣщенія въ цѣломъ краѣ, т. е. быть попечителемъ можетъ не всякій, кто только достигъ по своему чину и званію извѣстнаго положенія въ обществѣ.

Но послѣдуемъ далѣе за авторомъ разсматривае-

маго нами сочиненія. Онъ желаетъ видѣть университеты наши автономическими и децентрализованными. Трудно что нибудь сказать противъ этого. Всѣ согласны въ томъ, что коллегіальное начало, безъ котораго не мыслима автономія университетовъ, представляетъ болѣе шансовъ на разумную сознательность дѣйствій и устраненіе личнаго произвола. Не думаю также, чтобы въ наше время нашлись защитники централизаціи. Если она признана вредною и въ сферѣ гражданскихъ дѣлъ, если, благодаря маіи къ централизаціи, но цѣлымъ годамъ остаются невоздѣланными земли, какъ было во Франціи лѣтъ тридцать тому назадъ и проваливаются мосты съ людьми за несвоевременнымъ полученіемъ изъ столицы разрѣшенія приступить къ работамъ, что случилось въ одномъ изъ нашихъ губерскихъ городовъ, то тѣмъ менѣе она можетъ быть тернима въ такой средѣ, которая для благихъ проявленій своихъ требуетъ исключительно свободы и самостоятельности. Но считая вмѣстѣ съ г. Пироговымъ автономію и децентрализацію необходимыми принадлежностями университетской жизни, мы думаемъ, что онъ охарактеризовалъ ихъ слишкомъ общими и не совсемъ точными чертами и что все сказанное имъ имѣло-бы гораздо болѣе силы и убѣдительности, если-бы не оставался въ области отвлеченныхъ возрѣній, онъ чаще обращался къ дѣйствительности и принялъ на себя трудъ представить краткій очеркъ тѣхъ мѣръ, вслѣдствіе которыхъ наши университеты сдѣлались дѣйствительно бюрократическими и не довольно самостоятельными, указавъ, что въ нихъ было прежде и теперь есть хорошаго и на то, чего имъ еще недостаетъ. Начнемъ съ уставовъ, дарованныхъ русскимъ университетамъ Императоромъ Александромъ I. Было-

бы несправедливо приписывать этимъ уставамъ стремленіе къ централизаціи. Напротивъ, они предоставляли нашимъ молодымъ университетамъ значительную автономію, которая, если и не принесла ожидаемыхъ отъ нея плодовъ, то причинъ этому должно искать частію въ политическихъ событіяхъ того времени, частію въ томъ, что права, предоставленныя университетамъ, на практикѣ въпослѣдствіи нерѣдко парувались, и наконецъ въ замкнутости самой коллегіи, неблагопріятствовавшей обновленію ея свѣжими жизненными силами, о чемъ сказано будетъ ниже. Правда штатами 1804 года опредѣлялось число каедръ въ каждомъ факультетѣ, но спрашивается, чѣмъ-же руководствоваться правительству при назначеніи бюджета на содержаніе университетовъ, какъ не доставленіемъ имъ возможности имѣть: 1) представителей по всѣмъ, по крайней мѣрѣ главнымъ современнымъ наукамъ и 2) достаточныя учебныя пособія, необходимыя для успѣшности преподаванія. А какъ уставы пишутся на долгое время, въ теченіе котораго могутъ возникнуть новыя науки, то желательно, чтобы, при составленіи штатовъ, назначаемо было профессорскихъ окладовъ нѣсколько болѣе противъ росписанія каедръ, какъ и поступили составители устава 1835 года. Хотя, на основаніи устава 1804 года, число ординарныхъ профессуръ во всѣхъ четырехъ факультетахъ приходилось въ обрѣзъ по числу каедръ, но за-то независимо отъ 28 ординарныхъ профессоровъ полагалось имѣть 12 адъюнктовъ съ предоставленіемъ совѣту права повышенія четырехъ изъ нихъ въ экстраординарные профессора и сверхъ того въ случаѣ надобности труды преподавателей могли раздѣлять 12 казенно-коштныхъ магистровъ, получавшихъ

опредѣленное содержаніе, такъ что весь університетскій персоналъ превосходилъ почти вдвое число каедръ. Притомъ-же изъ исторіи университетовъ видно, что совѣту не возбранялось отступать отъ штата съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія. Такъ въ 1811 году, совѣтъ харьковскаго университета, принимая во вниманіе, что трудно и даже невозможно найти ученаго, который-бы совмѣщалъ въ себѣ основательное знаніе всѣхъ положительныхъ законодательствъ, ходатайствовалъ о подраздѣленіи каедры „правъ знатнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ“, такимъ образомъ, чтобы одинъ профессоръ читалъ древнія права, преимущественно римское, а другой новыя съ присовокупленіемъ теоріи законодательства; а дабы не обременить казну новымъ расходомъ, предполагалось содержаніе прибавлявшагося профессора отнести на счетъ каедры богословія, въ замѣщеніи которой совѣтъ не видѣлъ надобности, при существовавшихъ постановленіяхъ объ устройствѣ духовныхъ академій. На ходатайство это послѣдовало согласіе министерства. Не знаю, какъ въ другихъ университетахъ, а въ харьковскомъ, въ первые годы его существованія, многіе профессора, неограничиваясь чтеніемъ предметовъ, исчисленныхъ въ уставѣ, проходили и такія науки, которыя хотя и небыли для нихъ обязательными, но которыхъ важность и польза не могли подлежать сомнѣнію, напримѣръ педагогику, нумизматику, археологію, или по примѣру германскихъ университетовъ, занимали своихъ слушателей, кромѣ общихъ курсовъ, и спеціальными, обнимавшими какую нибудь отдѣльную часть науки. Слѣдовательно штатъ каедръ нисколько не парализировалъ дѣятельности ученой коллегіи и ненарушалъ самостоятельности универ-

ситетовъ; пока они пользовались исключительнымъ правомъ формировать личный составъ свой. Право это, какъ извѣстно, подверглось ограниченію при новой реформѣ университетовъ, допустившей непосредственное участіе министерства въ замѣщеніи каедръ. Но не столько уставъ 1835 года подрывалъ автономію университета, сколько послѣдующія распоряженія правительства. Въ 1837 году право возведенія въ ученые степени, искони принадлежавшее университету, подчинено было контролю высшего начальства. Въ 1849 году всѣмъ преподавателямъ вмѣнено было въ обязанность, предъ начатіемъ курсовъ, представлять подробныя программы, и не прежде приступать къ чтенію лекцій, какъ по предварительномъ разсмотрѣніи и одобреніи ихъ факультетомъ и ректоромъ. Вскорѣ затѣмъ (1851 г.) установленъ деканскій и ректорскій надзоръ за направлеіемъ и духомъ преподаванія. Около того-же времени (1849 г.) совѣтъ лишился права избирать изъ среды своеей ректора, который сталъ назначаться самымъ правительствомъ и притомъ на неопредѣленное время, а въ ограниченіи числа студентовъ высказано даже недовѣріе къ пользѣ университетскаго образованія. Въ 1850 году предписано было вознаграждать профессоровъ за чтеніе постороннихъ предметовъ по числу часовъ, слѣдовательно не обращая вниманія на полноту и достоинство пройденнаго курса, такъ что, для пріобрѣтенія права на полугодовой окладъ жалованья, профессоръ долженъ былъ излагать два предмета—свой и посторонній—не менѣе 16 часовъ въ недѣлю. По этому никто не хотѣлъ добровольно брать на себя занятій по вакантнымъ каедрамъ и нужно было прибѣгать къ пошудительнымъ мѣрамъ. Исправлявъ должность ректора

харьковского университета въ 1858 году, лечель долго обратитъ вниманіе правительства на вредъ, отсюда происходившій, подавъ чрезъ совѣтъ записку, которая была препровождена попечителемъ въ министерство и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, полученъ былъ благоприятный отвѣтъ, возстановлявшій прежній порядокъ вознагражденій. Съ тѣхъ поръ дѣло пошло на ладъ и нѣкоторые каедры, отъ перехода къ временнымъ преподавателямъ, не только ничего не потеряли, но и выиграли.

Изъ представленнаго нами очерка видно, что для автономіи русскихъ университетовъ нужны не столько новыя мѣры, еще неиспытанныя, сколько отмѣна нѣкоторыхъ распоряженій правительства, изданныхъ послѣ 1835 года, а потому, когда рѣчь зашла объ университетскомъ вопросѣ, по нашему мнѣнію, было-бы всего лучше во всемъ, что касается собственно администраціи, принять за основаніе уставы 1804 года, которыхъ существенное отличіе отъ устава 1835 года, заключается въ неприкосновенности личнаго состава коллегіи и въ предоставленіи ей значительнаго вліянія на учебную часть округа. Едва-ли было-бы полезно возобновлять прежній училищный комитетъ. Къ чему напримѣръ призывать медиковъ къ участию въ дѣлѣ, имѣющемъ мало общаго съ ихъ спеціальными занятіями? Но мы признаемъ крайне-необходимымъ преобразовать нынѣшніе попечительскіе совѣты, которые имѣютъ весьма ограниченный кругъ дѣятельности и которыхъ въ строгомъ смыслѣ нельзя назвать учрежденіями коллегіальными уже и потому, что рѣшенія въ нихъ происходятъ по большинству голосовъ, такъ что, если съ мнѣніемъ попе-

чителя несогласны всѣ остальные члены, то и тогда дѣло не приводится въ исполненіе, а препровождается къ министру. Съ другой стороны, олигархическій характеръ университетскихъ совѣтовъ по уставамъ 1804 года, представлялъ важныя неудобства. Тогда, какъ извѣстно, имѣли право голоса одни только ординарные профессора, такъ что тѣ каѳедры, которыя заняты были экстраординарными и адъюнктами, оставались вовсе безъ представительства въ совѣтѣ и, слѣдовательно, лишены были возможности защищать свои интересы, чѣмъ нарушалась равноправность наукъ, составляющая одно изъ жизненныхъ условій университета. Отсюда-же происходилъ деспотизмъ и даже грубость ординарныхъ профессоровъ въ обращеніи съ младшими ихъ собратами. Недавно одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ харьковскаго университета, много лѣтъ служившій учителемъ и впоследствии директоромъ Т. И. Селивановъ, рассказывалъ мнѣ забавный анекдотъ о томъ, какъ покойный профессоръ харьковскаго университета Е. М. Филамаонскій въ бытность свою адъюнктомъ, жаловался однажды на невниманіе къ своимъ представленіямъ, ссылаясь на то, что онъ такой-же членъ, какъ и другіе, на что ветеранъ тогдашняго медицинскаго факультета, заслуженный профессоръ Шумлянскій, имѣвшій репутацію добраго человѣка и дѣльнаго преподавателя, отвѣчалъ ему, въ видѣ шуточки, такою острою, которую я не рѣшаюсь повторять въ печати. За-то въ уставѣ 1804 года есть черты истинно-прекрасныя, заслуживающія подражанія,—таковы §§ 9 и 32. Первымъ ставится университетамъ въ особенную заслугу учрежденіе ученыхъ обществъ, а вторымъ, сверхъ обыкновенныхъ совѣтскихъ засѣданій, полагалось имѣть особія, въ ко-

торыхъ ежемѣсячно, подъ предѣдательствомъ ректора, профессора и почетные члены университета разсуждали о дѣлахъ научныхъ и обмѣнивались другъ съ другомъ новостями по предметамъ занятій каждаго изъ нихъ. (*) Нѣтъ сомнѣнiя, что подобными мѣрами, лучше всего поддерживалась нравственная связь между членами коллегiи и то единство науки, въ которомъ заключается образовательная сила университетовъ и преимущество ихъ предъ специальными учебными заведенiями. Что касается до предлагаемаго авторомъ вознагражденiя профессоровъ по личнымъ заслугамъ ихъ, а не по должностямъ, то и это не новость въ исторiи русскихъ университетовъ. Въ 1808 году совѣтъ харьковскаго университета, избравъ на кафедрѣ прикладной математики Эрлангенскаго профессора Гута, ходатайствовалъ о назначенiи ему вышаго оклада противъ штатнаго содержанiя, но тогдашнiй попечитель графъ Потоцкiй не внесъ этого представленiя въ министерство, мотивировавъ отказъ свой тѣмъ, что профессоръ Гутъ не заявилъ ученой дѣятельности своей такими трудами, которые-бы давали ему право считаться авторитетомъ въ наукѣ. Не беремся рѣшать, кто правъ, совѣтъ или попечитель. Профессоръ Гутъ пользовался репутацiею хорошаго профессора, какъ въ Харьковѣ, такъ и въ Дерптѣ, куда онъ впослѣдствiи перешелъ; но въ то время въ харьковскомъ университетѣ было не мало профессоровъ изъ русскихъ и иностранцевъ, которые съ

(*) При этомъ съ удовольствiемъ вспоминаю наши ученныя факультетскiя собранiя, происходившiя въ 185⁴/₅ и 185⁵/₆ акад. годахъ, при живомъ участiи тогдашняго ректора харьковскаго университета К. К. Фойгта.

большимъ правомъ могли считаться представителями своей науки. Впрочемъ дѣло не въ частномъ случаѣ, а въ принципѣ и его примѣненіи. По идеѣ мысль г. Пирогова превосходна, но на практикѣ она представляется не совсѣмъ удобоисполнимою. Спрашивается, какими данными будетъ руководствоваться коллегія при оцѣнкѣ личныхъ заслугъ своихъ сочленовъ, предположивъ, что она пожелаетъ дѣйствовать на основаніи сознательнаго убѣжденія. Намъ скажутъ: числомъ слушателей и литературными трудами профессора; но по числу слушателей не всегда можно дѣлать вѣрныя заключенія. Кромѣ достоинствъ профессора, оно много зависитъ отъ вкуса аудиторіи и отъ свойства предмета. У каковаго нибудь Бонпа на лекціяхъ сравнительнаго языкознанія не бываетъ и десятка слушателей, а у другихъ, менѣе знаменитыхъ ученыхъ, преподающихъ науки, удовлетворяющія наклонностямъ или практическимъ цѣлямъ большинства, аудиторіи переполнены слушателями. Сужденіе о профессорѣ по литературнымъ трудамъ его также представляетъ значительныя затрудненія. Возьмемъ два случая: одинъ профессоръ почти ежегодно обогащаетъ науку дѣльными сочиненіями, хотя и недвигающими ее впередъ; другой, болѣе строгій къ себѣ, или имѣющій болѣе обширные планы, долго ничего не издавалъ въ свѣтъ, и только передъ концомъ своего поприща выступилъ передъ публикою съ трудомъ, но съ такимъ трудомъ, который на всегда останется памятникомъ его таланта и учености. Спрашивается, кто изъ нихъ пріобрѣлъ право на высшее вознагражденіе—тотъ ли, чье имя давно извѣстно въ ученomъ свѣтѣ, или профессоръ, который, въ продолженіи многихъ лѣтъ дѣйствовалъ въ тѣсномъ кругу своей аудиторіи, но

приноситъ ей своими лекціями огромную пользу, а черезъ нее и самой наукѣ. Кромѣ того къ осуществленію мысли г. Пирогова могутъ встрѣчаться препятствія и со стороны бюджета. Положимъ, что такая-то кафедра два или три года была вакантною и отъ остатковъ на ея содержаніе накопилась сумма, которою университетъ могъ-бы воспользоваться для приглашенія извѣстнаго ученаго; но изъ какого источника онъ будетъ производить вызванному профессору вышнее жалованье въслѣдствіи, когда всѣ кафедры получаютъ представителей? Оставлятъ-же нѣкоторые изъ нихъ не занятыми, для того, чтобы имѣть двѣ знаменитости по одной и той-же кафедрѣ, едва-ли сообразно съ интересами университета, который долженъ заботиться сколько о качествѣ, столько-же и о полнотѣ преподаванія, безъ чего, въ строгомъ смыслѣ, онъ не можетъ назваться университетомъ. А потому мы полагаемъ болѣе удобнымъ, при заключеніи договоровъ съ извѣстными учеными, выдавать имъ, не увеличивая ихъ содержанія, соразмѣрную со средствами университета, болѣе или менѣе значительную сумму, частію впередъ въ видѣ подъемныхъ денегъ, а частію по истеченіи условленнаго срока.

Такимъ образомъ, все сказанное авторомъ объ автономіи русскихъ университетовъ мы принимаемъ не безъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Г. Пироговъ противъ штатнаго числа кафедръ, — мы-же думаемъ, что минимумъ ихъ долженъ быть опредѣленъ уставомъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ нужно дать университетамъ средства и право, съ разрѣшенія министерства, дѣлать отступленія отъ штата, и въ случаѣ надобности вводить новыя кафедры. Заботливость о присканіи преподавателей всѣхъ

современныхъ наукъ, по нашему мнѣнію, не можетъ препятствовать каждому университету развивать свою дѣятельность своеобразно, принаравливаясь къ мѣстнымъ потребностямъ края и оказывая имъ удовлетвореніе посредствомъ ученыхъ обществъ, публичныхъ чтеній и специальныхъ курсовъ. Одобря принципъ автора относительно вознагражденія профессоровъ, мы расходимся съ нимъ на счетъ формы этого вознагражденія, и думаемъ, что децентрализація университетовъ не предполагаетъ непременно, чтобы каждый изъ нихъ руководствовался своимъ собственнымъ уставомъ, — уставъ можетъ быть одинъ для всѣхъ, — но онъ долженъ быть написанъ такъ, чтобы не стѣснялъ ученой дѣятельности коллегій, чтобы въ немъ заключались лишь самыя общія черты и чтобы часть дѣлъ, посылаемыхъ нынѣ на окончательное разрѣшеніе министерства, была разрѣшаема на мѣстѣ частію попечителемъ, а частію самими университетами. Въ чему напримѣръ санкція министра для публичныхъ лекцій профессоровъ, требуемая правилами, изданными въ 1841 году? Мы знаемъ, что постановленіе этого условія, отбивало у многихъ профессоровъ охоту дѣлиться съ публикою своими знаніями, и послѣ бывшихъ примѣровъ, едва-ли и можно винить ихъ. Въ сентябрѣ 1861 года, въ харьковскомъ университетѣ, во время сѣзда дворянства на выборы, одинъ изъ профессоровъ имѣлъ намѣреніе прочитать нѣсколько публичныхъ лекцій о предметѣ, представлявшемъ живой современный интересъ. Представленіе объ этомъ своевременно сдѣлано было совѣтомъ и попечителемъ, и что-же? — проходитъ мѣсяцъ, другой, а разрѣшенія все нѣтъ, да нѣтъ. Между тѣмъ выборы окончились, дворяне разъѣхались по домамъ и такимъ образомъ пред-

полагавшійся курсъ, котораго многіе ожидали съ нетерпѣніемъ, несостоялся. (*)

Но справедливо замѣчаетъ авторъ, что одна автономія не можетъ предохранить университеты отъ застоя и упадка, и что для этого необходимы еще два условія: контроль общественнаго мнѣнія и хорошій резервуаръ свѣжихъ учебныхъ силъ. Мы не имѣемъ ничего сказать противъ большей части мѣръ, предлагаемыхъ г. Пироговымъ къ образованію у насъ общественнаго мнѣнія, каковы напримѣръ, ученые съѣзды, гласность въ университетскихъ дѣлахъ, сближеніе университетовъ съ одной стороны съ академіею наукъ, находящеюся въ какомъ-то изолированномъ положеніи, а съ другой — съ обществомъ, на которое университеты могли-бы имѣть весьма полезное вліяніе, принявъ на себя обязанность разъяснять ему всѣ интересующіе его вопросы, которыхъ теперь не мало, бѣльшая свобода мысли и слова и наконецъ соединеніе просвѣщенія въ государствѣ подъ контроль одного общаго вѣдомства. Мы готовы также вмѣстѣ съ авторомъ допустить учащихся къ законному заявленію своего мнѣнія о нуждахъ аудиторіи, находя совершенно правильнымъ его замѣчаніе, что если книга вовсе не читается и лекція никѣмъ не слушается, то у нихъ вѣрно есть что-нибудь не такъ; но намъ кажется непослѣдовательнымъ взглядъ, вслѣдствіе котораго считается позволительнымъ громкое выраженіе сочувствія

(*) Въ настоящее время, по представленію г. министра народнаго просвѣщенія, право разрѣшать публичныя лекціи предоставлено попечителямъ.

къ лекціямъ профессора и строго осуждается одно лишь порицаніе, имѣющее въ виду оскорбленіе личности другаго. По нашему убѣжденію, какъ-то, такъ и другое не имѣетъ разумнаго основанія. Апплодируютъ въ театрахъ и концертахъ потому, что чувство изящнаго, къ области котораго относятся музыка и драматическое искусство, болѣе или менѣе доступно каждому изъ насъ. Другое дѣло — профессорская лекція. Одна внѣшняя отдѣлка и даже стройное послѣдовательное изложеніе предмета еще не даютъ ей права назваться хорошею; если она не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ науки, о чемъ могутъ судить только люди, хорошо знакомые съ этой наукой, а не новички въ ней. Я зналъ нѣкоторыхъ студентовъ, восторгавшихся отъ лекцій иного красноречиваго профессора, умѣннаго блестящею фразеологіею прикрыть пустоту своихъ лекцій, но потомъ эти же самые студенты, ознакомившись ближе съ дѣломъ, мало по малу охладѣвали къ мнимому корифею науки и подъ конецъ курса совершенно перемѣняли о немъ мнѣніе. Сомнѣваюсь также, чтобы для аудиторіи такъ трудно было сдерживать свои порывы въ пылу увлеченія прекрасной лекціей, какъ полагаетъ авторъ. Въ духовные ораторы обращаются же къ народу съ рѣчами, которыя не менѣе профессорскихъ лекцій, способны восторгать слушателей и дѣйствовать на ихъ чувство. И отчего же въ церкви не приходитъ никому въ голову хлопать? Если тамъ уваженіе къ мѣсту удерживаетъ самую разнохарактерную публику отъ громкаго выраженія своихъ чувствъ, то почему же это не возможно въ храмѣ науки? Ссылка въ этомъ случаѣ на иностранные университеты едва-ли можетъ служить оправданіемъ, — должно подражать хорошимъ, а не дурнымъ обычаямъ.

Впрочемъ, я совершенно раздѣляю мнѣніе г. Пирогова, что едва-ли полезно формально запрещать всѣ знаки одобренія и порицанія и порывамъ простаго воодушевленія, часто безотчетнымъ и вовсе не злобнымъ, придавать серьезный характеръ неповиновенія закону. Говорю это на основаніи опыта. Въ 1858 году студенты харьковскаго университета вздумали было аплодировать одному вновь опредѣленному преподавателю, желая показать ему свое сочувствіе. Исправлявъ въ то время должность ректора, я счелъ долгомъ обратиться къ нимъ съ рѣчью, содержанія которой хорошенько не помню, но которая заключала развитіе сейчасъ высказаннаго мною взгляда на различіе между аудиторіею и театромъ. Студенты слушали меня съ большимъ вниманіемъ, и когда я оставилъ ихъ, то горячо спорили между собою, но большинство убѣдилось въ справедливости моихъ доводовъ и вслѣдствіе того положено было не хлопать. Съ тѣхъ поръ въ харьковскомъ университетѣ небыло и помина о хлопаньѣ;—(демонстрацій противъ профессоровъ ни прежде, ни послѣ тамъ никогда небыло) до возвращенія изъ за границы одного преподавателя, который и прежде пользовался большою популярностію у своихъ слушателей, а теперь привезъ съ собою изъ западной Европы, вмѣстѣ съ запасомъ новыхъ свѣденій, и ученую извѣстность. Послѣ первой лекціи, аудиторія разразилась громомъ рукоплесканій. Между-тѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, по случаю безпорядковъ, происходившихъ въ нѣкоторыхъ изъ русскихъ университетовъ, состоялось постановленіе о запрещеніи студентамъ выражать громко свое одобреніе и неодобреніе профессору. Имѣя это въ виду, я не могъ оставить безъ вниманія поступка студентовъ, объявивъ

имъ, что дозволенную ими себѣ манифестацію, я отношу единственно къ ихъ забывчивости, но что если, сверхъ ожиданія, она повторилась-бы еще разъ, то къ величайшему прискорбію моему, я вынужденъ буду поступить съ виновными по строгости правилъ и для облегченія контроля надъ аудиторіей, возвратиться къ школьнымъ порядкамъ, существовавшимъ въ харьковскомъ университетѣ въ то время, когда онъ подчиненъ былъ управленію мѣстнаго генераль-губернатора. И теперь тишина ни на минуту небыла нарушена; но я видѣлъ ясно, что слова мои пришлись не по сердцу студентамъ и мало подѣйствовали на ихъ убѣжденіе, а потому, по моему мнѣнію, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ освобожденію нашихъ университетовъ отъ нововведенія, принесеннаго къ намъ съ запада и неоправдываемаго здравой логикой, было-бы содѣйствіе начальству со стороны самыхъ преподавателей, которые, если дадутъ почувствовать своимъ слушателямъ, что хлопанье имъ непріятно, но что они почтутъ для себя лучшей наградой вниманіе къ лекціи, засвидѣтельствованное не театральнымъ эффектомъ, а самымъ дѣломъ, т. е. результатами студенческихъ занятій, то я увѣренъ, что оваціи прекратятся сами собою, а вмѣстѣ съ тѣмъ для коноводовъ будетъ гораздо труднѣе устраивать демонстраціи противъ нелюбимыхъ профессоровъ.

Лучшую часть брошюры, по моему мнѣнію, составляютъ мѣры, предлагаемыя авторомъ съ цѣлью противо-дѣйствовать застою коллегіи, облегченіемъ ей возможности обновляться свѣжими жизненными силами. Извѣстно, что по уставамъ 1804 и 1835 годовъ, право читать лекціи въ университетѣ могъ получить не всякій, соз-

нававший въ себѣ ученое призваніе, а только лицо избранное и рекомендованное факультетомъ; кромѣ того, доступъ въ коллегію затрудненъ былъ требованіемъ докторской степени, хотя на практикѣ условіе это часто обходили. За-то, допущенный разъ къ преподаванію, обыкновенно въ качествѣ адъюнкта, могъ быть увѣренъ, что рано или поздно, кафедра отъ него не уйдетъ. Невыгоды такого порядка извѣстны каждому, сколько нибудь посвященному въ дѣло. Выборъ факультета обыкновенно основывался на рекомендаціи профессора, который и, при лучшихъ намѣреніяхъ, легко могъ ошибиться, какъ по естественному чувству привязанности къ бывшему своему слушателю, во все время пребыванія въ университетѣ постоянно отличавшемуся трудолюбіемъ и самымъ безукоризненнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, такъ и потому, что онъ долженъ былъ составлять понятіе о немъ преимущественно по результатамъ пассивныхъ его занятій, а извѣстно, что хорошо держать экзамены не значить еще быть способнымъ руководить научными занятіями другихъ. Иногда-же случалось, что профессоръ сознательно покровительствовалъ посредственности изъ нерасположенія къ другому лицу, въ которомъ не нравилась ему независимость мнѣній и характера. Кто учился въ русскихъ университетахъ лѣтъ 30 тому назадъ, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ много можно было выиграть въ старину такъ называемымъ *лазарствомъ*. Если-же выборъ профессора падалъ и на человѣка талантливаго, что случалось нерѣдко, то и это еще не служило ручательствомъ за охраненіе достоинства кафедры на будущее время. Вступивъ разъ въ ученый кругъ, адъюнктъ не столько заботился объ усовершенствованіи себя въ нау-

кѣ, сколько о поддержаніи хорошихъ отношеній съ вліятельными членами факультета. Такимъ образомъ, въ теченіе времени, образовались два недуга русскихъ университетовъ—непотизмъ и застой. Правда, еще въ сороковыхъ годахъ (въ университетѣ св. Владиміра въ 1842, а въ прочихъ въ 1846 г.), учреждено у насъ доцентство, открывающее свободный доступъ къ преподаванію въ университетѣ, но какъ отъ доцента, кромѣ магистерскаго экзамена, требовалась еще диссертация *pro venia legendi*; слѣдовательно болѣе чѣмъ отъ адъюнкта, а между тѣмъ онъ не получалъ никакого жалованья, и только, по истеченіи года, если факультетъ находилъ его достойнымъ, могъ быть представленъ къ вознагражденію, обыкновенно весьма ограниченному, то нечего удивляться, что у насъ такъ мало охотниковъ до доцентства, и что оно, какъ замѣчаетъ авторъ, остается у насъ учрежденіемъ пока бумажнымъ. Вѣроятно съ цѣлю противодѣйствовать застою русскихъ университетовъ, министерство, при введеніи устава 1835 г., выговорило себѣ право, помимо совѣта, опредѣлять профессорами лица извѣстныя ему своею ученостію и дарованіями. Правомъ этимъ оно пользовалось непосредственно или по представленію попечителей, что на практикѣ случалось и прежде, хотя очень рѣдко. Справедливость требуетъ замѣтить, что черезъ министерство и попечителей русскіе университеты пріобрѣли нѣсколько отличныхъ преподавателей, но за то были и назначенія крайне неудачныя. Исторія о назначеніи, по ходатайству попечителя, профессоромъ философіи лица, занимавшаго прежде разныя административныя должности, и между прочимъ, чиновника полиціи, обратила на себя всеобщее вниманіе послѣ того, какъ фактъ этотъ, взя-

тый изъ жизни одного провинціального университета, сдѣлался извѣстнымъ русской публикѣ. Да и само министерство, при замѣщеніи кафедръ, не всегда соблюдало строгую разборчивость. Еще не такъ давно, лѣтъ десять тому назадъ, а можетъ быть и менѣе, одинъ молодой ученый, не оказавшій ровно никакихъ заслугъ наукѣ и имѣвшій только степень магистра, по связямъ своимъ съ вліятельнымъ лицомъ, служившимъ въ министерствѣ, назначенъ былъ исправляющимъ должность профессора, и притомъ не экстраординарнаго, а прямо ординарнаго. Но вскорѣ оказалось, что педагогическія его способности нисколько не соотвѣтствовали оказанному ему вниманію и самъ онъ, замѣтивъ холодность къ себѣ слушателей, поспѣшилъ подать въ отставку. По этому и признавая справедливымъ принципъ, что одному лицу ошибиться легче, чѣмъ цѣлой коллегіи, мы думаемъ, что ограничивать право университетскихъ совѣтовъ на пополненіе личнаго своего состава не только не полезно, но и положительно вредно, что ни кто не можетъ быть лучшимъ цѣнителемъ профессорскихъ достоинствъ, какъ сами-же профессора, и что, не трогая хорошей стороны учрежденія, нужно только позаботиться о гарантіи противъ возможныхъ злоупотребленій. Такою гарантіей, по нашему мнѣнію, представляется институтъ доцентовъ основанный на началахъ, предлагаемыхъ г. Пироговымъ, сущность которыхъ заключается: 1) въ томъ, что сдѣлаться приват-доцентомъ, т. е. получить право читать лекціи въ аудиторіи, можетъ всякій, имѣющій дипломъ отъ университета или другаго высшаго учебнаго заведенія и желающій испробовать свои силы, но что преимущества, соединяемыя съ званіемъ преподавателя, какъ-то: гоно-

раръ, право экзаменовать, участіе въ факультетскихъ дѣлахъ и наконецъ штатное доцентство должны быть предоставляемы только лицамъ, давшимъ несомнѣнныя доказательства своихъ достоинствъ и притомъ не вдругъ, а постепенно, или по мѣрѣ заслугъ, для охраненія правъ корпораціи; 2) что оцѣнка этихъ достоинствъ, оставаясь по прежнему за коллегіею, должна быть основана на положительныхъ и очевидныхъ фактахъ; 3) что ни что не можетъ быть нагляднѣе конкурса, а потому полезно дать ему, сколько можно болѣе обширное развитіе, замѣщая путемъ конкурса, какъ доцентскія мѣста, такъ и самыя каюдры и допуская исключенія только въ пользу людей, приобрѣвшихъ извѣстность въ ученомъ мірѣ; 4) что необходимо предоставить студентамъ свободу выбора между лекціями профессора и доцента и 5) облегчить входъ въ коллегіи уменьшеніемъ числа экзаменовъ на ученые степени и объема ихъ. Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ автора на счетъ различія между конкурсомъ и простымъ выборомъ. Правда, и здѣсь и тамъ судьи остаются все тѣ-же, но при конкурсѣ закрытой баллотировкѣ предшествуетъ гласный и открытый актъ, который всѣмъ присутствующимъ даетъ важный матеріалъ для оцѣнки и послѣ котораго у самаго пристрастнаго судьи неостанетъ духу проводить воззрѣнія, противорѣчащія очевидности факта. Если мѣры, предлагаемыя г. Пироговымъ, осуществятся, то надобно надѣяться, что источникъ жизненныхъ силъ русскихъ университетовъ никогда не оскудѣетъ и что едва-ли понадобится требуемая авторомъ переоцѣнка достоинствъ профессора на половинѣ его карьеры. Трудно допустить, чтобы тотъ, кто подвергался двумъ или тремъ конкурсамъ и представилъ не-

сомнѣнныя доказательства своей дѣльности, могъ въ нѣсколько лѣтъ испортиться и отстать отъ науки, а если-бы это и случилось, то при существованіи доцентства и предоставленіи студентамъ свободнаго выбора лекцій, отсталому профессору неловко будетъ оставаться съ пустою аудиторією и непріятность положенія заставить его подать въ отставку.

Остается разсмотрѣть мнѣніе автора о направленіи дѣятельности университетовъ. Относительно этого вопроса, мы имѣли уже случай высказать нашъ взглядъ, замѣтивъ, что на университетѣ лежитъ нравственная обязанность заботиться объ удовлетвореніи разумныхъ требованій общества. А какъ обществу нужны и специалисты-практики и теоретики и прежде всего люди съ общечеловѣческимъ образованіемъ, на столько развитые, чтобы они могли найтись въ той средѣ, гдѣ имъ придется дѣйствовать и исполнять честно и разумно свои обязанности, то соотвѣтственно сему преподаваніе въ университетахъ должно быть устроено такъ, чтобы въ нихъ читались, во 1-хъ общіе курсы наукъ, представляющихъ современное образованіе и 2) спеціальныя курсы, и притомъ 2-хъ родовъ: а) чисто-научныя и б) прикладныя, принаровленные къ разнымъ потребностямъ общественной жизни.

Студенты свободны въ выборѣ лекцій, но если кто изъ нихъ пожелаетъ получить отъ университета дипломъ, то долженъ подвергнуться испытанію, обнимающему извѣстную группу наукъ избраннаго факультета. При этомъ, кажется, нѣтъ надобности стѣснять студента обязательствомъ слушать всѣ науки и держать эк-

замены въ одномъ и томъ-же университетѣ. Пусть каждый изъ нихъ изберетъ въ руководители того профессора, съ котораго надѣется наиболѣе извлечь для себя пользы. Въ такомъ случаѣ неполнота преподаванія или неудовлетворительное состояніе какой-нибудь отрасли наукъ въ одномъ университетѣ не помѣшаетъ желающему приобрести основательныя знанія во всѣхъ тѣхъ предметахъ, которые избралъ онъ цѣлю своего научнаго образованія. Прикладные спеціальныя курсы имѣли-бы въ виду доставить желающимъ достаточныя средства приготовить себя къ разнымъ отраслямъ практической дѣятельности и къ успѣшному отправленію извѣстныхъ должностей, съ тѣмъ, однако-же, чтобы право на эти должности приобреталось не иначе, какъ по экзамену, который можетъ производиться внѣ университета и въ самомъ университетѣ, въ присутствіи ассистентовъ, назначаемыхъ гражданскимъ вѣдомствомъ. Наконецъ спеціальныя научныя курсы, удовлетворяя любознательности избраннаго меньшинства, вмѣстѣ съ тѣмъ служили-бы важною подмогою для лицъ, ищущихъ высшихъ ученыхъ степеней.

Считая соединеніе началъ—научнаго съ общеобразовательнымъ и прикладнымъ, существенною принадлежностію университетовъ, вытекающею изъ самой идеи этихъ учрежденій, я не вполнѣ раздѣляю мнѣніе автора, который допускаетъ такое соединеніе, только какъ исключеніе для русскихъ университетовъ, имѣя въ виду съ одной стороны недостатокъ у насъ образованныхъ спеціалистовъ, а съ другой неудовлетворительное состояніе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній и думаетъ, что настоящій университетъ долженъ быть учрежденіемъ,

назначеннымъ для избраннаго меньшинства, или выражаясь его словами, для тѣхъ, кто посвящаетъ себя изученію законодательной власти науки.

Но я совершенно согласенъ съ г. Пироговымъ насчетъ значенія воспитательнаго элемента университетовъ, который они могли-бы проводить разумно въ такомъ только случаѣ, если-бы у нихъ были средства вникать въ личности, заботясь о каждомъ. Но этому препятствуетъ недостатокъ у насъ людей, которые, по примѣру англійскихъ туторовъ, могли-бы съ пользою руководить домашними занятіями учащихся и притомъ способъ ученія, существующій въ оксфордской и кембриджской коллегіяхъ, по своей дороговизнѣ, недоступенъ большинству нашихъ студентовъ, состоящихъ изъ бѣдняковъ. А потому лучше университетамъ и небраться за задачу, которой они не могутъ выполнить и для которой оказались несостоятельными всѣ испытанныя доселѣ мѣры, заключающіяся въ обязательныхъ экзаменахъ, репетиціяхъ и въ установленіи университетской полиціи для надзора за нравственностію студентовъ.

Г. Пироговъ совершенно правъ, называя обязательные экзамены бесполезною формальностію. Стѣсняя хорошаго студента, они нисколько не помогаютъ исправленію дурнаго. Студентовъ, занимающихся наукой для экзамена и репетицій, можно сравнить съ плохими актерами; какъ тѣ, такъ и другіе заботятся только о томъ, чтобы не забыть своей роли, пока они на сценѣ. Кромѣ того принятый во всѣхъ русскихъ университетахъ способъ спрашиванія по билетамъ, вынутымъ изъ жребію, представляетъ важныя неудобства. Быть мо-

жетъ этотъ порядокъ и былъ нуженъ въ то время, когда въ университетахъ нашихъ господствовало взяточничество, но теперь когда они очистились отъ всякой нравственной грязи, едва-ли есть надобность принимать мѣры противъ злоупотребленій со стороны экзаменаторовъ, а между тѣмъ мѣры эти вредны въ томъ отношеніи, что оказываютъ дурное вліяніе на нравственность учащихся, приучая ихъ къ надувательству и желанію казаться не тѣмъ, чѣмъ они есть. Многие студенты приходятъ на экзаменъ пробовать счастья, или говоря ихъ языкомъ, *рисковать*. Рискъ этотъ состоитъ въ томъ, что они, вмѣсто того, чтобы готовиться изъ всей науки, прочитываютъ только известное число вопросовъ, и если фортуна имъ поблагопріятствуетъ, т. е. вынутые вопросы имъ знакомы и они отвѣчаютъ на нихъ бойко и безъ запинки, то обманутый профессоръ нерѣдко ставитъ имъ хорошую отмѣтку, между тѣмъ какъ студентъ, хотя-бы усвоившій себѣ все содержаніе науки, но пропустившій какую нибудь частность, доставшуюся ему на экзаменѣ, на основаніи существующихъ правилъ, лишается права получить аттестацію, вполне удовлетворительную. Такимъ образомъ экзаменъ, имѣющій цѣлю повѣрку знаній учащихся и величаемый въ академическихъ актахъ именемъ строгаго, *examen rigorosum*, обращается въ лоттерейю. Да и есть-ли, спрашивается, физическая возможность производить экзамены съ надлежащею строгостію, когда во веѣхъ русскихъ университетахъ, на окончательныя и курсовыя испытанія употребляется съ небольшимъ мѣсяцъ, такъ что въ тѣхъ факультетахъ и курсахъ, которые переполнены слушателями, на каждого студента профессоръ можетъ удѣлить не болѣе 6-ти или 7-ми минутъ. Рас-

тягивать-же экзамены на три или четыре мѣсяца въ ущербъ для чтенія лекцій, едва-ли было-бы полезно и сообразно съ достоинствомъ университета, который изъ высшаго учебнаго учрежденія обратился-бы въ школу.

Но подавая голосъ противъ обязательныхъ экзаменовъ и репетицій, я считалъ-бы весьма полезнымъ возстановить рекомендуемая уставомъ 1804 года (см. § 119) устные бесѣды профессоровъ съ слушателями по разнымъ предметамъ университетскаго преподаванія, а также позаботиться объ учрежденіи научныхъ семинарій, въ которыхъ-бы студенты, подъ руководствомъ профессоровъ, занимались избранною наукою, на основаніи извѣстной программы. Мнѣ кажется, нѣтъ надобности дѣлать эти занятія обязательными. Большинство студентовъ и безъ того прійметъ въ нихъ участіе, одни изъ убѣжденія въ ихъ пользѣ, другіе изъ нежеланія отстать отъ своихъ товарищей, третьи изъ любопытства или просто по модѣ; а самолюбіе, свойственное молодому человѣку, заставитъ участниковъ, не ограничиваясь ролью пассивныхъ слушателей, стараться выказать себя съ выгодной стороны передъ профессоромъ и аудиторіей. Я думаю такъ на основаніи опыта. Практическія упражненія въ русской словесности, какъ извѣстно, обязательны только для студентовъ историко-филологическаго факультета и для инородцевъ другихъ факультетовъ, между тѣмъ въ харьковскомъ университетѣ большая часть университетской молодежи принимаетъ въ нихъ живое участіе, — студенты сами, безъ всякаго обязательства, подвергаютъ сочиненія свои суду профессора, который или самъ ихъ разбираетъ или поручаетъ трудъ этотъ другимъ студентамъ, являющимся въ аудиторію съ зара-

нѣе приготовленными возраженіями, и такимъ образомъ между авторомъ и его оппонентомъ, подъ руководствомъ профессора, завязывается диспутъ, принимающій характеръ оживленной и перѣдко весьма интересной бесѣды. Самолюбіе, конечно, составляетъ слабую струну въ человѣкѣ, и въ особенности молодомъ; но это такая струна, изъ которой можно извлекать прекрасные звуки, если только умѣть взяться за нее.

Къ одной категоріи съ обязательными экзаменами я отношу и полицейскій надзоръ за нравственностію студентовъ, безъ котораго русскіе университеты въ первые годы своего существованія, обходились безъ всякаго ущерба для себя и учащейся въ нихъ молодежи. Должность инспектора надъ своекоштными студентами учреждена, какъ извѣстно, въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Сначала обязанность эта поручалась одному изъ профессоровъ по выбору совѣта, а потомъ стали назначаться особые инспектора изъ гражданскихъ или военныхъ чиновниковъ, совершенно независимые отъ коллегіи и подчиненные непосредственно попечителю округа. Вѣроятно думали, что они лучше съумѣютъ поддержать порядокъ и дисциплину между учащеюся молодежью, чѣмъ профессоръ, занятый наукой. Но послѣдствія не оправдали такого предположенія. А потому я думаю, что инспекція, какъ учрежденіе не достигающее цѣли, должна быть упразднена, и что болѣе дѣйствительной мѣрой къ охраненію спокойнаго теченія университетской жизни, было-бы съ одной стороны возстановленіе университетскаго суда, хотя-бы и на иныхъ началахъ, чѣмъ по уставамъ 1804 года, а съ другой—содѣйствіе самыхъ преподавателей дѣлу порядка и законности.

Говоря о содѣйствіи преподавателей дѣлу порядка, я разумѣю не принятіе ими на себя полицейскихъ обязанностей, принадлежащихъ теперь инспекціи, не переклички студентовъ, когда-то бывшія въ больномъ употребленіи въ русскихъ университетахъ, даже не нравовученія, ни съ сѣго, ни съ того обращаемыя къ слушателямъ во время лекціи. Подобныя нравовученія столь же неумѣстны, какъ и отступленія въ противномъ смыслѣ, дозволяемыя себѣ нѣкоторыми профессорами у насъ и за границею, съ цѣлію угодить слушателямъ и пріобрѣсть популярность. Но я убѣжденъ вмѣстѣ съ г. Пироговымъ, что преподаватели русскихъ университетовъ оказали-бы важную услугу обществу, распространеніемъ между молодежью уваженія къ факту. А это не такъ трудно, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда—нужно только, чтобы они оставались вѣрными характеру университетскаго преподаванія, которое прежде всего требуетъ критической сортировки и полноты матеріала, служащаго основаніемъ для выводовъ. Не даромъ источники — «*Quellen*» играютъ такую важную роль въ сочиненіяхъ и курсахъ германскихъ профессоровъ. Пріучившись въ аудиторіи къ основательности сужденій, студенты не будутъ такъ легко принимать на вѣру всякіе нелѣпые слухи, распространяемые злонамѣренными людьми для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей и бывшіе, какъ мнѣ положительно извѣстно, одною изъ причинъ безурядицы, происходившихъ въ русскихъ университетахъ. Къ сожалѣнію неуваженіе къ факту, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, встрѣчается не только въ молодомъ, но и въ зрѣломъ поколѣніи нашего образованнаго общества. Его открыто проповѣдываютъ журналы и что всего страннѣе, такіе журналы, кото-

рые не даютъ никакой цѣны умозрѣнію, указывая на опытъ, какъ на единственный источникъ знанія. Оно встрѣчается и тамъ, гдѣ всего менѣе можно-бы ожидать его. Недавно я былъ чрезвычайно удивленъ, прочитавъ, что одинъ изъ членовъ ученаго комитета, занимавшагося разсмотрѣніемъ замѣчаній, сдѣланныхъ на проектъ университетскаго устава, г. Ведровъ, отнесъ меня къ противникамъ коллегіальнаго начала въ университетскомъ управленіи. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ пользѣ этого начала, отвергать которое, какъ я сказалъ въ моей замѣткѣ, было-бы тоже, что оспаривать справедливость пословицы „умъ хорошъ, а два лучше“. Я только выразилъ сожалѣніе, что коллегіальность на практикѣ оказывается весьма слабою въ нашихъ университетахъ, да и тутъ винилъ не столько коллегію, сколько посягательство на права ея со стороны высшей инстанціи. Исканіе мнѣнія моего г. Ведровымъ, я могу объяснить только тѣмъ, что онъ, или не принялъ на себя труда прочитать всю мою записку, или-же можетъ быть читалъ ее, да позабылъ, обративъ вниманіе лишь на нѣкоторыя мѣста ея, другими словами „неуваженіемъ къ факту“.

Этимъ оканчиваемъ наши замѣчанія, полагая, что сдѣланный нами отзывъ объ интересной брошюрѣ г. Пирогова достаточно подкрѣпленъ приведенными выше фактами и заключеніями, вытекающими изъ нихъ.

Александръ Рославскій-Петровскій.

(Изъ Приб. къ Хар. Губ. Вѣд. 1864 г.).